43 7/55

437/55

1950
43 7/55

СУДЬБА

МАЛОРОССІЙСКАГО КРЕСТЬЯНСТВА

XVII—XVIII в.

Соч. К. Козловскаго.

КІЕВЪ.
Типографія М. Фрица возлѣ памятника св. Ирины домъ № 224.
1871.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 27-го января 1871 года.

ГОСУД. РОССК. ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
№ 42464
12-VI-1925.
БИБЛІОТЕКА

Судьба малороссійскаго крестьянства

XVII — XVIII в.

Въ половинѣ XVII в. совершилось извѣстное знаменательное событіе, именно отпаденіе южной Руси отъ Польши и присоединеніе ея къ Московскому государству. Полувѣковая, тяжкая борьба народа съ Польшею доказала разъ на всегда, что двѣ народности — русская и польская, существовать совмѣстно ни коимъ образомъ не могли; что Люблинская унія 1569 года, по которой устроено насильственное, но, по мнѣнію поляковъ, тѣсное сліяніе Руси съ Польшею заключала въ себѣ зародышъ

всѣхъ будущихъ несчастій и разрушенія Польши, и, въ концѣ концевъ, оказалась зданіемъ, построеннымъ на пескѣ. Съ отпаденіемъ южной Руси отъ польскаго государства, въ жизни послѣдняго наступилъ тотъ кризисъ, который ясно обличалъ всѣ признаки смертельной болѣзни. Паны и шляхта совмѣстно съ іезуитами, издавна взявъ въ свои руки политическіе и историческіе судьбы народа, оказались совершенно неспособными поправить разстроенныя государственныя дѣла. И, такимъ образомъ, по ихъ милости исторія Польши съ этихъ поръ дѣйствительно является химерой. Постепенно падаетъ польское государство все ниже и ниже и наконецъ, подъ ударами такъ называемыхъ въ исторіи трехъ польскихъ раздѣловъ, рушилось въ концѣ прошлаго столѣтія польское государство, показавъ всю несостоятельность для дальнѣйшаго самобытнаго политическаго существованія.

лась русская земля, когда народъ очищалъ ее отъ ненавистной ему польской шляхты и ея порядковъ. Польское господство уничтожилось, но не уничтожились привычки и побужденія, занесенныя имъ въ южную Русь, нашедшія себѣ откликъ и сочувствіе въ средѣ народныхъ представителей.

У многихъ изъ народныхъ представителей, во время соединенія южной Руси съ Московскимъ государствомъ, было много польской закваски, чтобы они могли спокойно идти за потокомъ событій. Образованіе въ польско-іезуитскихъ школахъ, условія общественной и гражданской жизни, ставили ихъ ближе къ польскому шляхетству, чѣмъ къ простонародью, которое въ то время могло служить для пановъ единственно средствомъ для проведенія надъ нимъ власти и господства. Все это отдѣляло ихъ отъ простонародья, какъ равно и отъ тѣхъ отдѣльныхъ вождей его, которые непосредственно вышли изъ народа во

время борьбы, и которые, оставаясь при своихъ „мужицкихъ“ инстинктахъ, не могли разорвать родственныхъ узъ, скрѣпленныхъ жизнію, проведенною среди народа. Извѣстно, что при Хмельницкомъ многіе изъ дворянъ приставали къ возставшему народу — страха ради, спасаясь отъ народной мести, нешадившей никого, кто только не шелъ за нимъ противъ поляковъ. Примкнувъ изъ чувства страха къ козачеству, эти дворяне не могли отдать народу всѣ свои симпатіи, всѣ находившіеся у нихъ средства и силы. Связь очевидно была принужденная и ненадежная, особенно въ то бурное время, когда каждый изъ народныхъ представителей стремился во что-бы то ни стало захватить управленіе страной, и распоряжаться ею по своему произволу. Кромѣ того, большинство духовенства происходило изъ шляхты, хотя и русской; оно было заражено польскими нравами, и потому не совсѣмъ дружелюбно смотрѣло на

присоединеніе южной Руси къ Московскому государству, и, боясь зависимости отъ Московскаго патріарха, сторонилось отъ Московской *протекціи*. Что же касается собственно козачества, то значеніе его, по отношенію къ остальной народной массѣ, не могло не быть поставлено въ далеко неблагопріятное полощеніе. По переяславскому договору, 1654 года, заключенному между Хмельницкимъ и царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, число козаковъ ограничено 60,000 человѣкъ. Въ договорныхъ статьяхъ, между прочимъ, сказано: „а кто козакъ, тотъ вольность козацкую будетъ имѣть, а кто пашенный крестьянинъ—тотъ будетъ дань давати обычную Его царскому Величеству". Такимъ образомъ, по Переяславскому договору, только 60,000 человѣкъ получаетъ козацкую вольность; остальная масса народонаселенія остается въ положеніи посполитыхъ людей или крестьянъ. Очевидно, подобная статья договора не

могла прійтись по сердцу поспольству, которое должно обратиться къ мирнымъ занятіямъ земледѣльца. Распаденіе народа на козаковъ и поспольство необходимо вело за собою столкновеніе между чернью и тѣми, которымъ судилось коноводить въ козацкой средѣ, и которые скоро являются въ видѣ значной старшины и вообще пановъ. Прежде козакомъ назывался всякій человѣкъ, носящій оружіе, записанный въ реестровые списки. Козачество, какъ реестровое, записанное въ реестры, по большей части ограниченное въчислѣ, въ силу различныхъ политическихъ соображеній поляковъ, такъ и козачество запорожское, а равно и то, которое образовалось подъ давленіемъ польско-шляхетскихъ порядковъ съ характеромъ вольницы, готово было всегда *кассовать* польско-шляхетскій порядокъ *козацкою саблею*, было идеаломъ свободы, къ которому стремилось порабощенное поспольство. Во время войнъ Хмельницкаго, все

шло на брань, все стремилось въ козачество,— и мѣщане и посполитые,— всѣ желали быть козаками и знать не хотѣли никакого ограниченія и въ числѣ и въ правахъ, и потому весь возставшій народъ называлъ себя козаками; и вотъ обстоятельства повернулись въ другую сторону; по Переясловскому договору, только 60,000 получаетъ привиллегированное положеніе и разнаго рода преимущества. Само собою разумѣется, что остальная масса посполитаго народа не могла примириться съ этимъ; не могла она забыть, что и она тоже участвовала вмѣстѣ съ козачествомъ въ освобожденіи родины отъ ляховъ; во всякомъ случаѣ, должна была враждебно отнестись къ этому привиллегированному козачеству и особенно къ значной старшинѣ, въ лицѣ которой она видѣла возрожденіе прежнихъ пановъ, но только при другихъ условіяхъ и въ другой уже формѣ. Эти отношенія поспольства скоро и оправдались событіями,

разыгравшимся на Украйнѣ. На основаніи тѣхъ же договорныхъ статей Хмельницкаго съ Алексѣемъ Михайловичемъ, должны были сохраниться въ Малороссіи всѣ прежніе права. Такимъ образомъ Литовскій Статутъ остался дѣйствующимъ законодательствомъ народа, хотя въ установившемся обычаѣ существовали уже свои особенныя отношенія, ни сколько не похожія на положеніе статута. Словомъ Статутъ противорѣчилъ порядку вещей, установленному на развалинахъ польскаго господства и нисколько не согласовался съ новыми условіями жизни. При польскомъ господствѣ народъ дѣлился на шляхту—людей высшаго сословія и людей низшаго стану—мѣщанъ и крестьянъ. Первые, т. е. шляхетство, владѣли землей на земскомъ правѣ и съ своихъ имѣній отправляло военную службу. Вторые, подданные, т. е. крестьяне имѣній королевскихъ (królewszczyzna) и частныхъ владѣльцевъ въ концѣ XVI вѣка оказались совершенно

безправными. Между тѣмъ, до Люблинской уніи 1569 г., по которой южная Русь насильно включена была въ составъ рѣчи посполитой, за крестьянами все таки сохранилась нѣкоторая доля самостоятельности. Такъ, по Литовскому статуту, вольный человѣкъ простаго стану (nizszego stanu), поселившись на чьемъ либо грунтѣ, и проживши на оном въ продолженіи 10 лѣтъ, можетъ, какъ онъ, такъ и дѣти его, перейти на грунтъ другаго владѣльца земли, но обязанъ только заплатить полученное имъ отъ владѣльца вспомоществованіе и еще 10 копъ. Но если онъ переселится безъ разрѣшенія своего прежняго пана, то послѣднему предоставлено право обыскивать его въ продолженіи десятилѣтняго срока, и, по отысканіи, бѣжавшій дѣлается его подданнымъ отчичемъ. Изъ актовыхъ книгъ, хранящихся въ Кіевскомъ центральномъ архивѣ, видно, что южнорусскіе крестьяне могли владѣть на част-

номъ правѣ поземельною собственностью и заниматься промыслами. У нихъ крѣпко держалось еще право собственнаго суда, гдѣ сходились и привиллегированное и не привиллегированное сословія, какъ напримѣръ—копные суды. Совсѣмъ въ иное положеніе поставлены были крестьяне послѣ Люблинской уніи, когда въ южной Руси начали укрѣпляться польскіе порядки и парализировали русскую жизнь. Какъ извѣстно, въ Польшѣ крѣпостная зависимость уже въ началѣ XVI в. достигла самыхъ крайнихъ размѣровъ. Подданные не имѣли мѣста въ войскѣ и на службѣ государству; они не могли владѣть по куплѣ и закладной землями; не имѣли права дѣлать осады (поселенія), такъ какъ этимъ правомъ пользовалась только одна шляхта.* Крестьяне *кмѣти* были прикрѣплены къ землѣ и ни въ какомъ случаѣ не могли оставить

* Historia prawodawstw Slowianskich т. II. стр. 136—140.

земли, на которой сидѣли; въ противномъ случаѣ они возвращались на мѣсто жительства, какъ бѣглые.* Торговля въ селахъ была запрещена: крестьяне могли продавать только хлѣбъ и скотъ.** За убійство шляхтича крестьянинъ подвергался *квалифицированной* казни, что ставило это преступленіе на равнѣ съ parricidium. Крестьяне лишены были права вчинать иски на судѣ помимо своихъ владѣльцевъ. Наконецъ, вѣнцомъ безправія крестьянина въ Польшѣ служитъ конституція 1557 года, предоставлявшая помѣщику и его управляющему право казнить своихъ крестьянъ смертью, это же право могло быть передано, и было дѣйствительно передаваемо, какъ это видно изъ памятниковъ Кіевской коммиссіи, и еврею-арендатору помѣщичьяго имѣнія.

---

* Liquis alieni acciperet Kmethonem possessionatum, wel haeredem. Wol. Legum. 1544 г. т. I. стр. 375.

** Wol. Legum. т. I. стр. 365.

Въ 1573 г. издана была новая конституція, въ которой сказано было, что „духовные и свѣтскіе владѣльцы имѣютъ право на полное послушаніе и повиновеніе своихъ подданныхъ, которые, если-бы осмѣливались подъ предлогомъ вѣры (sub praetextu religiones), имъ сопротивляться, то такіе владѣльцы могутъ своихъ крестьянъ, какъ въ *духовномъ, такъ и въ гражданскомъ отношеніи, подвергать наказанію по своему усмотрѣнію*. * Въ концѣ концовъ исчезаютъ разнообразныя дѣленія сельскихъ жителей на *кмѣтей* и солтысовъ и пр., прежде имѣвшихъ хоть нѣкоторую долю гражданскихъ и политическихъ правъ; крестьяне называются съ начала XVI в. подданными и это названіе укрѣпилось за ними тогда, когда крестьянамъ нечего было уже терять, когда они представляли только одну совершенно безправную массу, очутившуюся въ полномъ и

* Wol. Legum. т. II стр. 342.

безъотчетномъ распоряженіи помѣщиковъ. Такимъ образемъ въ XVI в. Польша представляла страну, которая въ безправіи крѣпостной массы, какъ будто видѣла свой жизненный принципъ. Въ рукахъ аристократіи и дворянства въ то время очутилась государственная и политическая жизнь Польши, и это могущество дворянства, во всякомъ случаѣ, только и могло установиться на счетъ окончательнаго порабощенія класса простолюдиновъ. Рабство въ глазахъ пановъ признавалось государственною необходимостью; безъ него не возможно было существованіе всемогущаго панства, которое видѣло въ одномъ себѣ залогъ величія и славы Польши. Оправдывая, на этомъ основаніи, безправіе крестьянской массы, ученые того времени доказывали, что масса народа, во всякомъ случаѣ, должна находиться въ порабощенномъ состояніи и эту защиту рабства они подкрѣпляли, между прочимъ, такою софистическою

аргументаціею: „мы не совершаемъ никакой несправедливости относительно нашихъ крестьянъ, потому что несправедливыми можно быть только относительно тѣхъ, кого мы подчиняемъ себѣ противъ воли; но нѣтъ несправедливости тамъ, гдѣ отдаются нашей власти добровольно (quia in juria non fiat volentibus, sed invitis). Долговременное же терпѣніе польскихъ крестьянъ доказываетъ, что они не противъ воли намъ повинуются". Безъ сомнѣнія, въ то время были уже люди, которые не могли не возвысить своего голоса въ защиту порабощенныхъ крестьянъ. Такъ въ трактатѣ Оливаровскаго: De politica hominum societatae 1651 г., приведенномъ въ II т. соч. Чацкаго, говорится, что „ни какими постановленіями короли не могутъ наложить рабства на своихъ подданыхъ, такъ какъ противъ такихъ постановленій законы божескіе, естественное и человѣческое право. Ни какими законами нельзя узаконить не-

справедливости, которая, какъ бы долго она ни была терпима, не можетъ сдѣлаться справедливостью или обратиться въ право обычая". Сохранились также для насъ вирши польскихъ латинистовъ, въ которыхъ весьма ярко рисуется картина тогдашней Польши; такъ одна изъ нихъ говоритъ, что:

„Clarum Regnum Polonorum
Est coelum Noliliorum,
Paradisus judaeorum
Et infernus rusticorum".

т. е. свѣтлое царство поляковъ есть небесное царство для нановъ, рай для жидовъ и *адъ для мужиковъ.*

Тотъ идеалъ полнаго безправія крестьянъ, который овладѣлъ и душею и сердцемъ и совѣстью польскихъ магнатовъ и вообще дворянъ неизбѣжно долженъ былъ и de jure и de facto примѣниться и къ

южной Руси, когда она, актомъ Люблинской уніи 1569 г., вошла окончательно въ составъ Польши. Но на русской землѣ онъ встрѣтился уже не съ тѣмъ покорнымъ, безъотвѣтнымъ крестьяниномъ польскимъ, какимъ мы видимъ его во всѣ эпохи самобытнаго существованія польскаго государства; напротивъ, попытка поработить южнорусское крестьянство не могла не вызвать протеста, который тѣмъ болѣе былъ энергиченъ, чѣмъ больше было усилій установить владѣльческій гнетъ на самыхъ широкихъ началахъ. И дѣйствительно, когда въ южной Руси утвердились польскіе порядки, когда русское дворянство измѣнило вѣрѣ предковъ и народу, принявъ польскую гражданственность и перейдя къ католичество; когда разгулъ послѣдняго, подобно широкому зареву пожара, охватилъ всю русскую землю, — начались скоро кровавыя возстанія какъ порабощеннаго крестьянства, такъ и козачества, которое тоже хотѣли паны

закрѣпостить, окончившіеся отпаденіемъ южной Руси отъ Польши. Въ борьбѣ козачества и крестьянства сказалось главнымъ образомъ энергическое стремленіе отстоять вѣру и народность отъ поглощенія польско-католическимъ элементомъ; но, безъ сомнѣнія, однимъ изъ мотивовъ борьбы была задача также удержать и тѣ выработанные историческою жизнью общинные и демократическіе принципы, которые заключались въ могучихъ юныхъ силахъ народа, что не отрицали и сами поляки. Такъ полякъ Окольскій, злѣйшій врагъ южно-русскаго народа, въ своемъ сочиненіи, написанномъ въ началѣ XVII в., (Contynuacya Dyaryusza wojennego, etc. str. 81), говоритъ, между прочимъ, что „хотя между козаками нѣтъ ни одного князя, ни сенатора, ни воеводы, но есть между ними такіе мужики (chlopi), что если-бъ не законы *contra plebejos*, то нашлись-бы столь достойные, что ихъ слѣдовало бы признать равными Цинцинатамъ и Ѳемистоклямъ (aby ich et

Quintio Cincináto, qui ad aratro ad dictatoriam byl wezwany, atque Themistocli virtute par nazwano.“ Продолжительная упорная борьба народа съ польшею кончилась тѣмъ, что онъ пока устоялъ и не далъ мѣста господству аристократическаго элемента на южнорусской землѣ. Такимъ образомъ при Хмельницкомъ, въ началѣ второй половины XVII в., не существовало уже ни дворянства, ни крестьянства, а былъ только одинъ народъ, съ учрежденіями, основными на выборномъ началѣ, съ демократическимъ складомъ жизни. Но послѣдствія доказали, что хотя, по видимому традиціи дворянства и уничтожились,— но корень его остался. Уцѣлѣвшіе дворяне и привиллегированное сословіе въ лицѣ 60,000 козаковъ,—все это заключало въ себѣ готовый элементъ для зарожденія новой шляхты, новыхъ пановъ. Положеніе посполитыхъ было точно неопредѣлено; на фактѣ они были тоже вольными, свободными людьми. Но по Переяславскому договору они считались пашенными

крестьянами, и подходили подъ понятіе людей низшаго стана. Ограниченіе правъ посполитыхъ по Литовскому Статуту юридически сохранилось, такъ какъ Статутъ не былъ замѣненъ ни какимъ другимъ законоположеніемъ, которое бы ясно опредѣлило гражданскіе права, и отношенія, сообразные вновь созданному при Хмельницкомъ демократическому порядку вещей. Это тѣмъ болѣе необходимо было по отношенію къ поспольству, которое, съ разрушеніемъ польскаго государства, перестало быть крѣпостнымъ сословіемъ и пріобрѣло свободное гражданское состояніе. Такимъ образомъ, удержаніе сословныхъ постановленій статута, не имѣвшихъ уже ни какого смысла впослѣдствіи должно было послужить поводомъ и основаніемъ фактическому ограниченію правъ посполитыхъ и къ образованію началъ будущаго крѣпостнаго права. Гражданскій порядокъ, устроенный Хмельницкимъ въ малороссіи по изгнаніи изъ нея поляковъ, заключалъ въ себѣ тоже всю

непрочность основаній, положенныхъ въ него. Земскіе и градскіе суды, учрежденные при польскомъ господствѣ были на дѣлѣ уничтожены. Между тѣмъ, въ договорныхъ статьяхъ утвержденныхъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, сказано было о сохраненіи этихъ судовъ, и объ избраніи въ нихъ дворянами урядниковъ Но возстановленіе этихъ судовъ ни когда не могло совершиться, ибо народъ ненавидѣлъ все то, что напоминало ему о польскомъ господствѣ и польскихъ учрежденіяхъ, и никогда не могъ признать законность этихъ судовъ; ему больше была по сердцу 1 ст. Переяславскаго договора, гдѣ сказано: „гдѣ три человѣка козаковъ, тамъ два третьяго судити должны“. Шляхта, уцѣлѣвшая въ общемъ погромѣ въ самомъ небольшомъ числѣ, боялась заикнуться объ этихъ судахъ. Самъ Хмельницкій медлилъ выполненіемъ статьи Переяславскаго договора, гдѣ сказано было о возстановленіи судовъ.

Между тѣмъ уничтоженіе воеводствъ и повѣтовъ было замѣнено раздѣленіемъ малороссіи на полки. Полкъ, раздѣленный на сотни, составлялъ извѣстную часть территоріи, и заключалъ въ себѣ полковой городъ, мѣстечки, села и хутора. Въ нѣкоторыхъ городахъ сохранилось Магдебургское право, дарованное имъ прежде польскими королями. Въ городахъ этихъ были магистраты, руководствовавшіеся и правомъ Магдебургскимъ и Саксонскимъ зеркаломъ. * Заимствованіе чужеземныхъ законовъ допускалось 54 арт., IV разд. Литовскаго статута. Магистраты вѣдали дѣлами мѣщанъ на основаніи Магдебургскаго права. Что же касается до крестьянскаго или посполитаго сословія, то оно въ первое время по отпаденіи отъ Польши Малороссіи было подчинено ратушамъ; ратуши заведены при

* Саксонское зеркало составлено въ началѣ XIII в. и заключало въ себѣ сборникъ извлеченій изъ германскаго государственнаго и гражданскаго права.

польскомъ господствѣ. Поляки помѣщики устраивали эти ратуши по своему личному усмотрѣнію. Въ ратуши выбирались войты, обязанность которыхъ заключалась въ томъ, что-бы производить словесный судъ надъ крестьянами и т. д.; но ратуши скоро были уничтожены и посполство было подчинено вѣденію и суду общихъ козацкихъ учрежденій.*

Для полной картины судебъ малороссійскаго крестьянства, мы считаемъ необходимымъ остановить свое вниманіе прежде всего на заднѣпровской украйнѣ, т. е. на нынѣшнемъ юго-западномъ краѣ, а потомъ уже перейти къ изложенію судебъ крестьянства лѣвой стороны Днѣпра.

Андрусовскій договоръ, подѣлившій южную Русь на двѣ половины, для восточной ея части, соединенной съ Московскимъ государствомъ, создалъ особое политическое

---

* Описаніе Черниговскаго намѣстничества А. Шафонскаго, стр. 60.

положеніе, обусловливаемое какъ характеромъ самаго соединенія, такъ тяготѣніемъ новыхъ Московскихъ порядковъ и элементами сформировавшимися въ эпоху борьбы народа съ поляками. Что же касается, западной части южной Руси, т. е. нынѣшняго юго-западнаго края, то, благодаря этому договору, созданному неискусною, близорукою Московскою политикою, — народу, очутившемуся снова въ рукахъ поляковъ и жидовъ, судилось еще почти сто тридцать лѣтъ гремѣть оковами страшной неволи, которая тѣмъ ужаснѣе была, что соединялась съ безпощадною местью пановъ по отношенію къ русскому народу за прежніе его возстанія. Въ первое время, по заключеніи договора, народомъ овладѣло страшное отчаяніе: „вся старѣйшина и посполитый народъ, зѣло страхомъ смущенни, розумѣли, же нужно было возстати внутреннимъ и явственнымъ въ народѣ возмуще-

ніемъ". * Поляки очень хорошо сознавали это и рѣшили успокоить народъ посредствомъ *желѣза и крови*. Такимъ образомъ создана была кровавая система подчиненія хлоповъ панамъ и рѣчи-посполитой. Уже въ самый годъ заключенія несчастнаго Андрусовскаго договора отряды польскихъ жолнѣровъ, предводимые палачами—регементарями, ходили по краю и казнями заставляли хлоповъ молчаливо и покорно признать власть пановъ. Такъ одинъ изъ этихъ военачальниковъ, регементарь Маховскій, съ отрядомъ жолнѣровъ явился въ Брацлавское воеводство и, подъ предлогомъ неповиновенія хлоповъ, огнемъ и мечемъ окончательно разорилъ Брацлавщину. Почти одновременно свирѣпый воевода Чернецкій опустошилъ Чигиринское староство. По словамъ Черниговской лѣтописи, въ числѣ многихъ городовъ и селъ, сожженныхъ Чернецкимъ, пострадали Бужинъ и Суботовъ;

* Лѣтопись Гробянки, стр. 193—194.

въ послѣднемъ, въ церкви, находился гробъ покойнаго гетмана Хмельницкаго и сына его Тимофѣя. Чернецкій, ворвался въ Субботовъ и, по выраженію лѣтописи, „тѣло старого Хмельницкого, и Тимоша, сына его, забитого подъ Сочавою, казалъ съ гробовъ (зъ церкви, що зъ рынку) выкинути на поделище. Субботовъ тогда былъ пустъ. А псовъ зъ Чигирина, зъ Суботова и отъ иншихъ мѣстъ пустыхъ Украинныхъ, великое множество было, которое чередами ходячи, не только мертвыхъ трупы ѣли, але и живымъ людемъ шкодили". Вскорѣ за тѣмъ послѣдовало нашествіе турокъ и татаръ. Въ 1678 г., второй сынъ Хмельницкаго, несчастный Юрій, добиваясь гетманства, какъ черная смерть прошелъ по краю съ своими татарами, и все, что встрѣчалось на его пути, все было предано пламени и опустошенію. Всѣ эти нашествія турокъ, татаръ и народныя смуты, вызванныя страшными казнями, истребленіемъ хлоповъ

поляками, повели къ тому, что къ концу XVII вѣка богатая, щедро надѣленная природой страна, особенно прекраснѣйшія побережья Днѣпра, цѣлые нынѣшніе уѣзды Чигиринскій, Черкасскій и Каневскій, да почти и весь край превратились въ пустыню. Уцѣлѣвшій отъ нашествій турокъ и татаръ, а равно и польскаго истребленія, народъ скитался по степямъ, лѣсамъ, или же водворялся—то въ Московскихъ степяхъ, то въ Восточной Украйнѣ. Эти выселенія крестьянъ и козаковъ совершались то не большими партіями, то *громадами*, то-есть цѣлыми селами и мѣстечками. Уже въ началѣ XVII в. мы видимъ большіе слободы по берегамъ Ворсклы, въ Полтавщинѣ и Ахтырщинѣ. При Хмельницкомъ переселенія усилились. Послѣ Берестечской битвы, въ которой козаки были на голову разбиты поляками, полкъ козаковъ подъ начальствомъ Дзинковскаго, ожидая нашествія поляковъ, убѣжалъ за границу и поселился

на берегахъ р. Тихой Сосны, гдѣ основалъ городъ Острогожскъ, что нынѣ Воронежской губерніи. Вслѣдъ затѣмъ устремились и крестьяне жившіе по рѣкамъ Днѣстру и Бугу, изъ Подоліи. Крестьяне и козаки, покидая родину, разбирали церкви свои, складывали ихъ на возы, сожигали свои хаты и гумна, чтобы не достались они *вражьимъ ляхамъ* и шли искать себѣ лучшей доли въ невѣдомую страну. Напрасно поляки заступали дорогу: козаки и крестьяне выѣзжали съ оружіемъ, пушками, пробивали себѣ дорогу изъ стараго разореннаго отечества, чтобы кровью купить себѣ новое. Такимъ образомъ, на пространствѣ отъ Путивля (нынѣ Курской губ. до Острогожска—губ. Воронежской), появились изъ этихъ бѣглецовъ обширныя слободы, послужившія основаніемъ богатымъ городамъ и селамъ; такъ явились: Сумы, Лебединъ, Ахтырка, Бѣлополье, Короча и др. Другіе изъ крестьянъ и козаковъ бро-

сились на югъ, въ Молдавію, а равно и въ глубь степей, по рѣкамъ: Дону, Харькову, Коломаку. Въ числѣ основанныхъ такимъ образомъ слободъ былъ и нынѣшній Харьковъ. Андрусовскій договоръ особенно содѣйствовалъ переселенію народа. На лѣвый берегъ Днѣпра перешли цѣлые козацкіе полки; опустѣвшіе города и села были сожжены поляками. Такая эмиграція продолжалась почти до 1715 года, и слѣдствіемъ ея было полное почти опустѣніе Украйны.

Объ этомъ запустѣніи вотъ что говоритъ лѣтописецъ Величко, который, проходя съ малороссійскими козаками отъ Корсуня и Бѣлой церкви на Волынь, въ 1705 г. былъ пораженъ тогдашнимъ безлюдьемъ края: „Поглянувши паки (говоритъ Величко), видѣхъ пространніе тогобочніе Украйномалороссійскіе поля, разлеглые долины, лѣсы и обширные садове, и красные дубравы, рѣки, ставы, озера запустѣлые, мхомъ,

тростіемъ и непотребною лядиною заросшые. Видѣхъ къ тому на розныхъ тамъ мѣстцахъ много костей человѣческихъ, сухихъ и нагихъ, тилько небо покровъ себѣ имущихъ, и рекохъ въ умѣ: *кто суть сія?* Тѣхъ всѣхъ, еже рѣхъ, пустыхъ и мертвыхъ насмотрѣвшися, поболѣхъ сердцемъ и душею, яко красная и всякими благами прежде изобиловавшая земля и отчизна наша Украйно-Малороссійская въ область пустынѣ Богомъ оставлена и насельницы ея, славные предки наши, безвѣстни явишася! *

Улегалась мало по-малу буря, такъ долго, такъ страшно свирѣпствовавшая по несчастной, облитой кровью, странѣ; и по мѣрѣ того какъ все болѣе и болѣе воцарялось затишье, началось возвращеніе народа на свои пепелища. Изъ глубины степей, изъ *зимовниковъ*, изъ лѣво-бережной Украйны, гдѣ произволъ и насилія козац-

* Лѣтопись Величка, т. I. стр. 3.

кой старшины и великорусскихъ чиновниковъ, все болѣе и болѣе дѣлались нестерпимѣе народу, начался возвратный приливъ крестьянства на опустѣвшую родину. Въ то время поземельная собственность, вслѣдствіе прошедшихъ бурныхъ событій и ухода крестьянъ, не представляла прочнаго юридическаго основанія, и фактически установился обычай *займа* опустѣвшихъ земель, чѣмъ и воспользовались въ большинствѣ случаевъ шляхтичи. Какъ на эти земли, такъ равно и на тѣ, владѣнія которыми было основано на прочныхъ юридическихъ данныхъ, начались *зазывы* крестьянъ. Съ другой стороны явились различные коммисары, губернаторы (управители имѣній), экономы и т. д., посланные отъ магнатовъ, пановъ, сперва для фактическаго занятія земли, а потомъ для ихъ заселенія. Лучшимъ и удобнѣйшимъ средствомъ для этого была признана раздача мелкой шляхтѣ земель на правахъ „заложенія осадъ“.

Оказалось весьма много охотниковъ — то изъ управителей тѣхъ же имѣній, то изъ разной шляхты, которая призывалась изъ Польши, то изъ жолнѣровъ, составлявшихъ военные отряды, расположенные на Украйнѣ. Основатели новыхъ поселеній обязаны были стараться о привлеченіи къ себѣ крестьянъ. Для привлеченія большаго числа крестьянъ признано было небоходимымъ увольнять ихъ отъ повинностей на извѣстное число лѣтъ,—или же крестьянскія повинности, конечно, на словахъ, ограничивались весьма небольшимъ количествомъ рабочихъ дней. Такая приманка крестьянъ, совершалась посредствомъ особо уполномоченныхъ *осадчихъ*, которые кликали кличь на различныхъ сборныхъ пунктахъ—на ярмаркахъ, переправахъ, во время церковныхъ и монастырскихъ праздниковъ—и перемanивали народъ обѣщаніями многихъ льготъ, обѣщаніями, которыя нарушались съ тою

же легкостію, съ какою они давались несчастнымъ крестьянамъ.

Самое большое количество переселившихся крестьянъ оказалось изъ восточной лѣвобережной Украйны, гдѣ въ это время, какъ увидимъ впослѣдствіи, то путемъ правительственныхъ мѣръ, то возмутительными попытками знатныхъ пановъ — козацкой старшины установить въ странѣ свое величіе и матеріальное могущество на счетъ грабежа и порабощенія сермяжнаго люда, т. е. крестьянства, установился величайшій, безграничный произволъ, находившій себѣ пищу съ одной стороны въ безотвѣтственности бѣднаго, вѣчнаго страдальца, *„мужика“*, съ другой—въ великорусской администраціи, допускавшей въ то время *все и вся*. Тогда были не вмоготу крестьянству и эти попытки къ введенію крѣпостнаго права, и злоупотребленія козацкихъ старшинъ, и тяжести военныхъ постоевъ, и работы по устройству крѣпостей и линій, и

рытье каналовъ, и устройство Петербурга, словомъ всѣ тѣ тяготы, тяжелымъ бременемъ легшія на козацкія и крестьянскія плечи, которыя заставляли человѣка чтобы отъ нихъ избавиться, быть—или гайдамакой — разбойникомъ, запорожскимъ козакомъ, иль бѣжать въ далекую даль. Еще одна сторона жизни, самая послѣдняя и рѣшительная оставалась для крестьянства лѣвой стороны Днѣпра—это убѣжать на сторону правую, къ старымъ знакомымъ панамъ, которые, въ своихъ заманчивыхъ обѣщаніяхъ, при зазывѣ крестьянъ на свои земли, по выраженію пословицы, такъ мягко стлали, но на шляхетскихъ постеляхъ которыхъ пришлось потомъ такъ жестко спать.

Говоря о запустѣніи и потомъ о заселеніи страны, мы имѣли въ виду только ту обширную часть ея, которая составляетъ нынѣшнюю Кіевскую губернію, за исключеніемъ сѣверной ея части, а равно и юго-

восточную полосу нынѣшней Подольской губерніи. Сѣверная часть Кіевскаго воеводства, такъ называемое Кіевское Полѣсье и Волынь, а равно и западная часть Подоліи были заселены нѣсколько гуще, не смотря на то, что и они были подвергнуты неизбѣжнымъ послѣдствіямъ прошедшихъ продолжительныхъ войнъ южно-руссаго народа съ поляками, а равно и опустошительнымъ нашествіямъ татаръ, какъ выше было сказано, въ первую эпоху заселенія опустѣвшей части Украйны. Польскіе помѣщики желая возможно большее число крестьянъ привлечь нас вои земли, сначала удерживались отъ прежней системы гнета; но по мѣрѣ того какъ возникали новыя слободы, по мѣрѣ того какъ вообще заселялся край, дарованныя крестьянамъ льготы нарушались и опять возстановлялось прежнее суровое крѣпостное право на всемъ пространствѣ оставшейся подъ польскимъ господствомъ, по Андрусовскому договору, заднѣ-

провской Руси. Изъ инвентарей XVIII в. извѣстно до какой степени доходили крестьянскія повинности: въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, крестьяне должны были отбывать повинности въ пользу помѣщика до 5 дней въ недѣлю; въ другихъ и этого казалось было недостаточно для помѣщика: крестьяне работали круглый годъ не исключая никакихъ праздниковъ, независимо разнообразныхъ поборовъ натурою, какъ то: зерновымъ хлѣбомъ, льномъ, пчелами (десятый улей, или же денежнымъ взносомъ, называемымъ пчельной десятиной); кромѣ того крестьяне платили помѣщику *пороговщину*, (подать съ каждаго, имѣющагося у крестьянина, вола), обязанъ давать десятую овцу и двадцатую свинью изъ общаго количества имѣющихся у крестьянъ овецъ и свиней.*

Если мы обратимся къ многочисленнымъ

---

* Архивъ юго-западной Россіи, часть VII, т. II.

актамъ, относящимся къ личнымъ отношеніямъ помѣщиковъ къ крестьянамъ, мы увидимъ до какой степени безчеловѣчности доходила эта власть польскихъ пановъ надъ крестьянами. При существованіи закона, (1557 и 1573 годовъ), предоставлявшаго помѣщику въ своемъ имѣніи полную юрисдикцію, съ правомъ казнить крестьянъ смертью, и это право передать арендатору, будь онъ шляхтичъ или же еврей, возможны были самыя вопіющія злоупотребленія.

Многіе изъ помѣщиковъ по большей части не управляли своими имѣніями и сибаритствовали то въ Варшавѣ, то за-границей, а имѣнія ихъ управлялись шляхтой, по большей части грубой и невѣжественной; рядомъ съ ними стояли евреи, составлявшіе собою промышленный классъ безпощадно обиравшій народъ всѣми правдами и неправдами. При совокупной дѣятельности этихъ двухъ элементовъ тяжела была жизнь народа.

Тысячи актовъ свидѣтельствуютъ тѣ варварскія отношенія, которыми запечатлена была въ то время помѣщичья власть: для польскаго пана ничего не стоило повѣсить крестьянина, посадить на колъ, или утопить его. Такія отношенія не умѣрялись никакимъ нравственнымъ чувствомъ, которое бы могло остановить разгулъ варварской натуры польскаго пана: все было въ его рукахъ—и жизнь и честь крестьянина и то небольшое достояніе, которое у него находилось. Этого мало: исповѣдываема крестьянами православная религія подвергалась постояннымъ оскорбленіямъ. Священники были предметомъ омерзѣнія и глумленія со стороны католическаго панства. *

* Для примѣра нельзя не привести слѣдующій довольно характеристическій случай: въ 1738 году Кіевскій каштелянъ Стадницкій приказалъ какъ крестьянамъ, такъ и священникамъ своихъ имѣній возить хлѣбъ къ Днѣстру, на пристань. Одинъ изъ священниковъ, обыкновенно покорныхъ и молчаливыхъ, рѣшился протестовать противъ такого поруганія его сана, и свой протестъ заявилъ чрезвычайно оригинальнымъ образомъ: онъ повезъ

По закону 1764 г. дѣти православныхъ священниковъ обращены были въ крѣпостное состояніе, такая мѣра независимо прямаго своего назначенія, клонилась безъ сомнѣнія еще и къ уничиженію православнаго духовенства.

Въ первой четверти XVIII вѣка, столь обильно уже орошенной русской и польской кровью въ предшествовавшее время, опять установились два враждебные лагеря, готовые опять схватиться между собою *на жизнь и на смерть*. Съ одной стороны стояло православное русское крестьянство, у котораго были отняты всѣ пути къ лучшей доли, крестьянство порабощенное, униженное, лишенное всѣхъ гражданскихъ правъ, лишенное даже права спокойно и свободно исповѣдывать свою православную религію, которая, по милости польскихъ ксендзовъ

хлѣбъ въ полномъ церковномъ облаченіи. (Widok przemocy na slaba niewinnosc srogo wywartej, przez Brodowicza), Lwow, 1862 г. прил. лит. Д.

и іезуитовъ была постояннымъ и вѣчнымъ предметомъ глумленія и поруганія со стороны католическаго панства; съ другой — стояло во всеоружіи власти и силы панство съ жидами, въ рукахъ которыхъ находились деньги, торговля и промышленность страны. При всемъ этомъ вездѣ и во всемъ сказывались слѣды анархическаго устройства рѣчи-посполитой, которые сначала повели къ разложенію, а потомъ и къ окончательному разрушенію польскаго государства. Рано или поздно должна была между русскимъ крестьянскимъ населеніемъ и польско-шляхетско-жидовскимъ элементомъ возникнуть борьба, на время затихшая по милости тяжко сложившихся для южной Руси обстоятельствъ. Отъ южнорусской народной массы всегда слѣдовало было ожидать, что рано или поздно, она всколыхнется, чтобъ попытаться вновь избавиться отъ *ляшской* неволи. И чѣмъ сильѣен былъ гнетъ сверху, тѣмъ энергичнѣе

должно было сказаться противодѣйствіе снизу.

Уже въ первой четверти XVIII вѣка, изъ среды народа уходятъ бѣглецы, которымъ невыносимо душно было существовать при условіяхъ польскаго крѣпостнаго гнета. Изъ этихъ бѣглецовъ, при помощи запорожскихъ казаковъ, устроиваются отряды *гайдамакъ*, поставившихъ себѣ цѣлью жизни — безпощадную месть по отношенію къ польскимъ панамъ и жидамъ за вѣковыя ихъ притѣсненія. Такимъ образомъ начались наѣзды гайдамацкихъ отрядовъ на польскіе замки, дворцы, старостинскія имѣнія и на мѣстечки, обиловавшія тогда, какъ и теперь, жидами. Запорожскіе козаки преимущественно пополнявшіеся изъ бѣглыхъ крестьянъ, почти всегда предводительствовали этими отрядами, или же, въ большинствѣ случаевъ, составляли самое ядро отряда, когда врывались они въ заднѣпровскую Украйну, для истребленія польскаго элемента. Эти наѣзды сперва въ глазахъ

польскихъ пановъ имѣли случайный характеръ. Но, по мѣрѣ того, какъ усиливался гнетъ польскихъ пановъ, все болѣе и болѣе росло и крѣпчало дѣло новаго широкаго и кроваваго возстанія народа. Оно дѣйствительно и не замедлило: въ 1768 году въ нынѣшней кіевской губерніи и отчасти въ Подоліи поднялся народъ и началъ кровавую расплату съ поляками. Тысячи пановъ и жидовъ погибло тогда подъ гайдамацкими ножами. Громадное число замковъ, фольварковъ и тѣхъ мѣстъ вообще, гдѣ жили поляки и жиды было обращено въ пепелъ и развалины. Въ одномъ городѣ Уманѣ погибло нѣсколько тысячъ человѣкъ поляковъ. Возстаніе народа не доведено было до конца. Русскія войска, по приказанію Екатерины, положили ему предѣлъ и остановили его потокъ. Съ тѣхъ поръ народъ замолчалъ и, вѣчно бичуемый польскими панами, понесъ опять то ужасное тяжелое бремя крѣпостнаго состоянія, отъ ко-

тораго избавленъ онъ только великимъ актомъ новаго времени — именно манифестомъ 19 февраля.

I.

Обратимся теперь къ подробному изложенію судебъ крестьянства той части южной Руси, которая, по Андрусовскому договору, отошла къ московскому государству.

Исторія поземельной собственности а равно и отношенія къ ней крестьянства въ первое время послѣ отпаденія малороссіи отъ Польши представляетъ собой слишкомъ характеристическое явленіе. Съ изгнаніемъ польскихъ пановъ перестало существовать и крупное землевладѣніе, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, исчезли и своеобразныя экономическія отношенія, занесенныя въ южную Русь поляками. На мѣсто прежнихъ, строго-юридически опредѣленныхъ, условій существованія частной собственности, съ разрушеніемъ польскаго господства вся страна или лучше сказать, вся поземельная собствен-

ность очутилась въ рукахъ народа, какъ непосредственнаго хозяина и распорядителя тѣмъ, что онъ обливалъ кровавымъ потомъ, когда отъ зари до зари, отъ рожденія и до могилы работалъ безъ устали, чтобы его владѣльцу, польскому пану, было-бы пожить хорошо и размашисто, или—чтобы злѣйшему врагу народной массы, еврею, какъ возможно полнѣе набить его многообъемистые карманы. Иначе и было невозможно: сначала, съ установленіемъ господства пановъ,—народъ мученикъ, закабаленный въ польскую неволю, потомъ народъ—герой, встряхнувшій съ своихъ могучихъ плечъ, по видимому, крѣпко усѣвшагося на нихъ исконнаго своего врага—польскаго пана, долженъ же, рано или поздно, сдѣлаться хозяиномъ той почвы, которую онъ оросилъ цѣлымъ потокомъ своей *мужицкой* крови. Такимъ образомъ послѣ изгнанія польскихъ пановъ, *осиротѣлая* поземельная ихъ собственность, какъ и вся земля естественно

должна была перейти въ фактическое обладаніе народа. Въ то время малороссія не заключала въ себѣ густого населенія; продолжительныя войны въ предшествовавшее время не могли не повліять на уменьшеніе народонаселенія. Съ изгнаніемъ поляковъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ—съ исчезновеніемъ крупной поземельной собственности, оказалось громадное количество земли никѣмъ не занятой, ни кому не принадлежащей. Изъ заднѣпровской право-бережной Украйны, (т. е. нынѣшней Кіевской и Волынской губерній), на которой и послѣ уничтоженія польскаго господства при Хмельницкомъ, еще долго совершалась борьба народа съ враждебными ему элементами, поляками турками и татарами, преимущественно послѣдовалъ сильный переливъ народонаселенія въ малороссію, т. е. на лѣвый берегъ Днѣпра. По свидѣтельству лѣтописи Самоила Величка въ 1704 г., послѣ разоренія турками заднѣпровской Ук-

райны, „народъ, многими купами и таборами зо всѣхъ повѣтовъ собирался и болесными сердцами, а слезоточителными очима вѣчне зъ своими красними тамошними селеніями и угодіями пожегнавшимся (простившись), що живо на сюю сторону Днѣпра перебирался и *где умюбя*, по разныхъ сего бочнихъ полкахъ украино-малороссійскихъ, для житія своего избиралъ и засѣдалъ мѣстця.* Такимъ образомъ усвоеніе народомъ поземельной собственности совершалось на правахъ свободнаго займа земель; каждый, *где умюбя*, занималъ землю, конечно, ни кѣмъ не занятую, обработывалъ ее, и дѣлался полнымъ ея властелиномъ, если только не возникали споры со стороны сосѣдей или же тѣхъ, кто прежде установилъ тѣмъ же процессомъ владѣніе землей. Относительно такого способа образованія поземельной собственности до насъ дошло не мало документовъ, въ которыхъ

*) Лѣтопись Величко, Т. II, стр. 356.

весьма рельефно очерчена исторія такъ называемой *займанщины* земель, долго жившей въ памяти народа, какъ одно изъ самыхъ лучшихъ воспоминаній о времени, наступившемъ тотчасъ по изгнаніи поляковъ изъ малороссіи. Такъ въ одномъ документѣ XVIII в., относящемся собственно къ процессу между Новгородсѣверскимъ Спасскимъ монастыремъ и козаками села Покошичъ, за спорныя земли, козаки, въ защиту своихъ правъ на владѣемыя ими земли, заявили судебной власти, что „когда, при помощи Божіей, малороссіяне, зъ гетманомъ Богданомъ Хмельницкимъ, кровію своею освободили малую Россію отъ ярма Лядского и отъ державы польскихъ королей, а прилилъ въ подданствѣ всероссійскаго монарха великого государя Алексѣя Михайловича, въ тую пору на обоихъ сторонахъ Днѣпра вся земля была малороссіянъ сполная и общая покамисть они первѣе — подъ полки, а въ пол-

кахъ подъ сотнѣ, а въ сотняхъ подъ мѣстечка, села и деревнѣ и въ оныхъ подъ свои жилища, двори, доми и футори осягли и позаймали; и *потому стамися всѣ добра* (имѣнія; *малороссіянъ быть властными чрезъ займы.* Оніе жъ займы свои малороссіяне разными означали способами: одни оборували, другіе — концами обносили и рвомъ окопували, кляками (*клякъ*—знакъ на деревьяхъ, зарубки, указывающіе границы лѣснаго владѣнія) ограничали и что хотѣли въ тѣхъ займахъ строили, гаи возвращали и сады заводили, футоры, слободы, деревни, села на свое имя селили, клеби въ корысть (прибыль) приводили, на болотахъ, гдѣ видѣли къ устроенію мельницъ мѣста, тамъ оны строили". *

Въ приведенномъ актѣ всего лучше выражена исторія поземельной собственности въ Малороссіи. Земля принадлежала всему

* Записки Черниговскаго статистическаго комитета ст. Лазаревскаго, кн. I, стр. 26.

народу. Какъ мы видѣли, кромѣ коренныхъ обывателей, отдѣльныя хозяйства образовывались посредствомъ *займанщины*. Между тѣмъ обстоятельства сложились такимъ образомъ, что исключительное право собственности на землѣ принадлежало одному лишь войску, т. е. козачеству. Мы уже говорили, что по уничтоженіи польскаго господства, съ разрушеніемъ польскихъ порядковъ, въ Малороссіи существовало только два сословія: 1) *козачество*, какъ привилегированная часть народа, на обязанности котораго лежала защита страны, за что оно увольнялось отъ всѣхъ другихъ повинностей и получало право на вѣчное владѣніе землей, и 2) *поспольство*, крестьяне, собственно лица не попавшіе въ реэстровые списки и такимъ образомъ составлявшіе *земщину*, обязанную обработывать землю и нести всевозможныя повинности. Одинаковое значеніе имѣли и мѣщане занимавшіеся въ городахъ и мѣстечкахъ ремеслами и

торговлею. Впослѣдствіи сословіе посполь-ства, или крестьянства, подъ вліяніемъ эко-номическихъ и бытовыхъ условій, подѣли-лось на слѣдующія категоріи: а) крестьяне *тяглые*, съ характеромъ отношеній, опредѣ-лившимся въ XVI в. Тяглый крестьянинъ былъ самостоятельный хозяинъ, имѣлъ от-дѣльное хозяйство, имѣлъ усадьбу, т. е. грунтъ земли, на которомъ онъ жилъ, имѣлъ рабочій скотъ и пахатную землю. Онъ от-правлялъ повинности, по отношеніи къ соб-ственнику земли, издѣльною работою; кромѣ того тяглый крестьянинъ подлежалъ денеж-нымъ платежамъ и различнымъ натураль-нымъ повинностямъ. Другая категорія кре-стьянъ, тоже образовавшаяся подъ влія-ніемъ экономическихъ условій, были *огород-ники*; они не имѣли своей земли; у нихъ была только одна усадьба, съ огородами, вслѣдствіе чего должны были снискивать себѣ пропитаніе обработывая чужую землю на основаніи особыхъ, сложившихся путемъ

обычая, условій. Третья и послѣдняя категорія крестьянъ были люди *лезные*,—это въ полномъ смыслѣ бобыли, не имѣвшіе, что называется, ни кола ни двора. Какъ люди, не обремененные хозяйствомъ, несвязанные ни какими экономическими интересами съ землей, онн переходили съ мѣста на мѣсто, заработывали на чужихъ земляхъ себѣ пропитаніе, пока не пріобрѣтали себѣ средствъ, достаточныхъ для устройства усадьбы, чтобы въ концѣ концовъ, сдѣлаться тяглыми, т. е. полными, самостоятельными хозяевами. Лезные крестьяне образовались постепенно и главнымъ образомъ вслѣдствіе притѣсненій и грабежей со стороны всемогущаго малороссійскаго панства—съ одной стороны, и переселенцевъ изъ заднѣпровской Украйны, т.е. нынѣшняго юго-западнаго края, а отчасти и изъ переселенцевъ-бѣглецовъ сосѣднихъ съ малороссіей нынѣшнихъ великороссійскихъ губерній—съ другой. Во всякомъ случаѣ исто-

рія лезныхъ людей и русскаго бобыльства— тождественны.

Скоро послѣ совершившагося погрома польскаго господства и установленія въ малороссіи новаго своеобразнаго гражданскаго быта обнаружились всѣ признаки непрочности тѣхъ условій, въ которыхъ очутилась крестьянская масса. Выше было уже говорено о той равноправности, которой народъ, цѣной громадныхъ усилій и величайшихъ кровавыхъ жертвъ, добился наконецъ при Хмельницкомъ. Но такое стремленіе къ равноправности свободолюбиваго народа не могло прочно установиться на почвѣ Малороссіи. Съ одной стороны народные представители, козацкая старшина, жила подъ обаяніемъ власти, основанной на многихъ привиллегіяхъ, и потому она не могла равнодушно принести въ жертву этой равноправности свои исключительныя права и ревниво ихъ оберегала; съ другой стороны — отпаденіе одной части южной Руси, т.

е. лѣвобережной Украйны, отъ Польши, и присоединеніе ея къ Московскому государству образовало отношенія далеко не соотвѣтствующія народному идеалу. Московское государство принесло съ собой въ Малороссію готовую форму *государева и боярскаго* тягла. Такимъ образомъ Московское вотчинное право какъ нельзя лучше пришлось по сердцу народныхъ представителей, которые въ этомъ увидѣли возможность замѣнить собою прежнихъ польскихъ пановъ. Скоро деморализированные московскимъ вліяніемъ малороссійскіе козацкіе чины и начали свою отвратительную работу по отношенію къ крестьянамъ, — работу имѣвшую въ своемъ основаніи грабежъ и угнетеніе крестьянской массы, чтобы, на этомъ ея порабощеніи, основать свое личное благоденствіе.

Хотя, съ изгнаніемъ поляковъ, земля въ понятіи народа и составляла его собственность, но фактическимъ обладателемъ

ея было козачество, глава котораго гетманъ былъ ея верховнымъ, полнымъ и неограниченнымъ распорядителемъ. Въ силу этого права гетманъ могъ раздавать земли казацкой старшинѣ, духовенству, монастырямъ и рядовому *товарыству*, за его войсковую службу. Казацкіе гетманы, въ видахъ привлеченія къ себѣ симпатій того дворянства, которое, въ большинствѣ случаевъ, хотл и вступило по необходимости въ ряды казачества, но оставалось въ душѣ вѣрнымъ традиціямъ своего аристократическаго происхожденія, должны были признать и de jure и de facto права ихъ на поземельную собственность, очутившуюся въ общемъ погромѣ, въ обладаніи народа. Съ другой стороны — православные монастыри, безспорно оказавшіе не мало услугъ южнорусскому дѣлу въ эпоху борьбы съ поляками, не могли не быть предметомъ особенной заботливости расчетливыхъ казацкихъ гетмановъ, чтобы, въ случаѣ нужды,

прибѣгнуть къ той нравственной помощи, которую могли оказывать имъ монастыри и вообще духовенство, какъ представители народной интеллигенціи.

Такимъ образомъ, началась раздача „войсковыхъ“ земель *знатной* казацкой старшинѣ и монастырямъ. Самъ Хмельницкій первый подалъ поводъ къ такой раздачѣ земель какъ монастырямъ, такъ и лицамъ изъ бывшей шляхты, которая въ освобожденіи южной Руси отъ поляковъ, вошла волей-не-волей въ казацкіе ряды. Такъ 1648 г. на просьбу общежительнаго Густинскаго монастыря о дарованіи ему земель, Хмельницкій издалъ универсалъ, въ которомъ, подтверждая всѣ прежнія права монастыря, дарованныя во время литовско-польскаго періода на монастырскія земли, говоритъ между прочимъ: „жадали отъ насъ господинове отцове монастыря общежительнаго Густинскаго, ижъ маючи отъ благочестивыхъ князей и пановъ побожныхъ

христіанскихъ ктиторовъ, на церковь Божію и на хвалу имени его святого надане, за отпущеніе грѣховъ своихъ, не мало и грунту для выхованя мешкаючихъ при томъ святомъ местцу, того они, приспособивши собѣ стараніемъ и працею своею и грунту и футора, а при немъ для помочи собѣ *приспособили людей убогихъ*... презъ то просили насъ, абы зъ ихъ грунтовъ и футоровъ *до войска поданныхъ ихъ не пріймовали*... што мы на ихъ прозьбу, яко богомольцевъ своихъ, вцале безъ жадного нарушенія заховуемъ подъ ласкою нашою“ *. Подобнаго рода универсаловъ гетманскихъ подтверждающихъ права монастырей на земли, съ ограниченіемъ правъ крестьянъ, живущихъ на монастырскихъ земляхъ, служить въ казачьихъ рядахъ, на земли, бывшія прежде, или же въ данный моментъ находившіяся въ обладаніи у монастырей, мы

* Записки Черниговскаго статистическаго комитета ст. Лазаревскаго, кн. I, стр. 14.

встрѣчаемъ не малое число; можно съ вѣроятностію сказать, что почти всѣ монастыри получили такого рода универсалы, утверждающіе право вѣчной собственности ихъ на земли, дарованныя прежде имъ благочестивыми русскими людьми. Одновременно съ такими укрѣпленіями за монастырями поземельной собственности, идетъ рядъ гетманскихъ универсаловъ, возвращающихъ права на поземельную собственность тѣмъ изъ пановъ, которые лишились ее въ эпоху поголовнаго возстанія народа противъ поляковъ. Такъ въ 1656 году Хмельницкій утвердилъ за панами Рубцами, во вниманіе къ заслугамъ оказаннымъ ими войску запорожскому, всѣ тѣ имѣнія, которые находились у нихъ во время господства поляковъ надъ южною Русью. Въ слѣдующемъ (1657 году), онъ издалъ универсалъ, въ которомъ говорится, что „шляхтѣ, якую Богъ всемогущій наклонилъ до войска запорожскаго, маетностей и грунтовъ ихъ

властныхъ уживать, якъ издавна они уживали". * За тѣмъ идетъ рядъ гетманскихъ универсаловъ, какъ Хмельницкаго, такъ и преемниковъ его, возвращающихъ права бывшимъ владѣльцамъ—панамъ на утраченную ими въ эпоху польско-козацкихъ войнъ поземельную собственность. Одновременно раздается земля различнымъ казацкимъ полковникамъ и другимъ чинамъ, за войсковые заслуги. Относительно всей этой жалованной земли во всѣхъ универсаловъ эпохи гетмановъ Хмельницкаго и Выговскаго еще ничего не говорится о поддантствѣ крестьянъ, т. е. о зависимости ихъ отъ пановъ, на землѣ которыхъ они жили, такъ какъ отношенія крестьянства къ панамъ были основаны на свободномъ договорѣ, по которому главнымъ образомъ крестьянинъ, имѣя право перехода съ земли на землю, могъ, по своему усмотрѣнію, жить и не жить

* Записки Черниговскаго статистическаго вомитета ст. Лазаревскаго, кн. I, стр. 15.

на землѣ даннаго владѣльца. Но такое свободное отношеніе крестьянъ не долго продолжалось: въ универсалѣ 1662 г. выражена уже та мысль, что крестьяне должны быть послушными владѣльцу *маетности* и обязаны отбывать въ его пользу обычную повинность. * Въ послѣдовавшихъ затѣмъ гетманскихъ универсалахъ прямо предписывается крестьянамъ, чтобы они, безъ всякихъ исключеній, *безусловно* повиновались владѣльцу земли на которой они жили.

Съ этого времени начинается эпоха постепеннаго порабощенія малороссійскаго крестьянства, находившая себѣ пищу съ одной стороны въ шляхетскомъ элементѣ, олицетвореніемъ котораго служила малороссійская старшина, съ другой—въ великорусскихъ порядкахъ того времени поощрявшихъ сознательно и безсознательно всевозможныя

---

* Записки Черниговскаго статистическаго комитета ст. Лазаревскаго, кн. I, стр. 20.

стремленія пановъ, клонившихся къ разрушенію малороссійскаго народоправства.

Опредѣлить точныя границы *послушанія* крестьянъ къ малороссійскимъ панамъ въ первое время нѣтъ никакой возможности. Въ гетманскихъ универсалахъ конца XVII в. относительно положенія крестьянъ, жившихъ на владѣльческихъ земляхъ, высказывалось только общее начало — подчиненія крестьянъ къ панамъ, на земляхъ которыхъ они жили, въ сущности же отношенія крестьянъ къ панамъ основывались на обычаѣ и частныхъ договорахъ, въ которыхъ опредѣлялись крестьянскія повинности за пользованіе владѣльческою землей. Между тѣмъ, при неопредѣленности юридическихъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ, при отсутствіи положительнаго закона, долженствовавшаго бы замѣнить собой переставшій дѣйствовать въ малороссіи Литовскій статутъ, отношенія крестьянъ къ владѣльцамъ поземельной

собственности. доставшейся панамъ то путемъ пожалованія, то возвращенной „шляхтѣ, якую Богъ наклонилъ до войска Запорожскаго“, въ границахъ прежняго ихъ владѣнія,—отношенія, основанныя на одномъ только обычаѣ, не могли на первыхъ уже порахъ не вызвать столкновеній между крестьянами и панами. Крестьяне упорствовали въ правѣ на землю, которую они обрабатывали, и которая переходила имъ изъ поколѣнія въ поколѣніе; * паны съ своей

* Какъ относились крестьяне къ землѣ, которою они владѣли и которую они оставили, переселясь на другіе земли, видно изъ слѣдующаго универсала гетмана Мазепы 1708 г., даннаго крестьянамъ села Уланова, нынѣ Глуховскаго уѣзда (Черниг. губерніи): «Жителемъ Улановскимъ, подданнимъ прежде катедральнымъ Черниговскимъ, въ прочку увойшовшимъ въ зарубежніе села, ознаймуемъ, ижъ ясне въ Богу преосвященный его милость архіепископъ Черниговскій доносилъ намъ, что вы зъ *своего легкомыслія* удалившіеся съ тоей, до катедри Черниговской належачой, маетности, за границю, и грунты позосталіе свои продаете, поля туда приѣжжаючи, засѣваете и засѣвки съ копы жати позволяете и всякіе пожитки власне, якъ тамъ живучи, зъ своихъ угодій отбираете, що яко неслушне и праву *здавна ухваленому противно дѣется*;

стороны, оспаривали свои права на крестьянскія земли, главнымъ образомъ основываясь на пожалованіи имъ имѣній гетманскими универсалами и грамотами русскихъ царей. Такая неопредѣленность правъ на поземельную собственность безспорно вела къ тому, что всемогущіе козацкіе старшины, и вообще малороссійскіе паны, въ распоряженіи которыхъ находилась судьба малороссіи, въ концѣ концовъ должны были обезземелить крестьянъ, и затѣмъ, пользуясь ихъ беззащитностью, нарушать дорогое для крестьянъ право вольнаго перехода съ мѣста на мѣсто, стараясь всѣми способами прикрѣплять крестьянъ къ данной мѣстности, пополняя при томъ число кре-

такъ мы вамъ тотъ самовольный поступокъ сурово ганячи, тилько упоминаемъ, и подъ жестокимъ караніемъ приказуемъ, абысте до тихъ своихъ позосталыхъ грунтовъ одъ сего часу жадного мѣрою не интересовалися,—поневажъ всюды такое обыкновеніе есть, же по одейшлихъ на лишніе мѣйсца для житія подданнихъ, грунта ихъ на державцовъ спадають, а они тратятъ свою сукцессію. (Записки Чернигов. Стат. Коммитета, кн. I стр. 27).

стьянъ обращеніемъ козаковъ въ крестьянское сословіе, и воспрещеніемъ крестьянамъ переходить въ сословіе козаковъ.

Такія мѣры пановъ по отношенію къ крестьянскому сословію, съ теченіемъ времени стали получать чрезвычайно уродливую, можно сказать, варварскую форму. Для удержанія крестьянъ на земляхъ отъ перехода въ козаки или же *на слободы*, паны и монастыри не пренебрегали ни какими средствами, и если паны и вообще козацкая старшина, не прибѣгая ни къ какимъ хитросплетеніямъ по отношенію къ угнетенію крестьянъ, а такъ сказать, рубили все съ плеча, то со всѣмъ не такъ дѣйствовало малороссійское духовенство. Получивъ, послѣ изгнанія поляковъ, огромныя имѣнія, монастыри высказали довольно энергически стремленіе къ порабощенію крестьянства, и скоро свое высокое призваніе они обратили въ источникъ тяжелой скорби народа. Духовенство, обособляясь отъ на-

рода, съ которымъ оно въ эпоху польско-казацкихъ войнъ, шло рука-объ руку, вскорѣ за тѣмъ заявило свое горячее стремленіе къ корпоративному устройству своего быта, къ увеличенію своихъ имущественныхъ средствъ, устроивъ тѣсный союзъ съ панами, — союзъ направленный къ порабощенію народа, и, вмѣсто того, чтобы сдѣлаться посредникомъ между угнетеннымъ и угнетателемъ, оно стало на сторону послѣдняго и святотатственно рѣшилось проводить всѣми средствами въ жизни идею порабощенія крестьянства, опираясь на авторитетъ церкви. Держа въ своихъ рукахъ тогдашнее образованіе народа, духовенство въ то же время всего менѣе думало поднять крестьянскую массу, путемъ своего высокаго значенія въ странѣ, на степень нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія и, въ большинствѣ случаевъ, оно высказалось въ роляхъ угнетателей народной массы, — роляхъ постыдныхъ и оскорбитель-

ныхъ для него: духовенство угождало сильнымъ міра сего, льстило представителямъ народа, панамъ, и это угожденіе было тѣмъ отвратительнѣе, что выходило изъ самаго безчестнаго побужденія воспользоваться помощью панства для своего личнаго обогащенія на счетъ народа.

Уже въ началѣ XVIII в. мы видимъ какъ духовенство, угрозой преданія анаѳемѣ старалось удержать крестьянъ на монастырскихъ земляхъ, которымъ, конечно, далеко не веселое было житье подъ монастырскимъ началомъ. Такъ въ 1706 году Черниговскій архіепископъ Іоаннъ Максимовичъ, по поводу ухода, безъ сомнѣнія вслѣдствіе тяжелыхъ монастырскихъ работъ, крестьянъ села Ястребщины въ козаки, издалъ Окружное Посланіе, въ которомъ этотъ служитель церкви не посовѣстился сказать, что „по установленію гетмана Мазепы, воспрещено *тяглымъ* переходить *въ козаки*, такожде *козакамъ въ тяглые*. Но какъ под-

данные катедральные села Ястребщины пошли самовольне, безъ всякой вины, въ козаки.... то *за таковое ихъ самовольство, отчуждаются они съ домами своими благословенія Божія, общенія христіанскаго и входу церковнаго. Кто изъ нихъ, или въ домахъ ихъ, умретъ—не похоронити,—буди имъ безъ обыклого церковного погребенія. Кто народится въ домахъ ихъ—не крестити. Кто бы пріялъ въ свой дворъ, съ ними пріобщался и съ ними пошелъ—тому же неблагословенію подлежать будетъ*“.* Какъ смотрѣли сами крестьяне на власть духовенства и монастырей въ особенности и каковы были въ частности отношенія духовенства къ крестьянамъ видно изъ слѣдующей жалобы (1730 г.) козаковъ села Ушни (нынѣ Сосницкаго уѣзда Черн. губ.): „мы, козаки села Ушнѣ сіею сказкою въ полковую Черниговскую канцелярію, показываемъ, что отъ праздниковъ Петра

* Основа, 1861 года, кн. I, стр. 182.

и Павла прошлаго 1729 г. по это время, староста Ушенскій Кипріянъ да іеромонахъ, заступающій въ Ушнѣ мѣсто священника, Варлаамъ, запретили намъ и всѣмъ нашимъ домашнимъ ходить въ церковь, говоря, что такой имъ приказъ имѣется отъ преосвященнаго Иродіона Жураковскаго, и когда кто изъ нашихъ захочетъ пойти въ церковь, то въ шею выбиваютъ изъ церкви... и приказано по всѣмъ околичнымъ церквямъ, чтобы *нигдѣ никого изъ насъ не пускали въ церковь*... И потому мы всѣ со всѣми домашними, отъ того времени ни въ великій постъ, ни также въ другіе посты— не говѣли, и молитвы все это время намъ не давано, и въ свѣтлый воскресенскій праздникъ паски намъ не священы.... а запрещеніе-то учинилось намъ за то, что мы по указу гетмана Данила Апостола, написаны изъ посполитыхъ въ козаки. Да тѣже Кипріанъ и Варлаамъ *козаковъ Ушинскихъ Тараса Косяченка и дру-*

ихъ семь человѣкъ за то, что они насъ недопускали имъ въ обиду, отлучили также отъ церкви и такое запрещеніе имъ продолжалось четыре мѣсяца, пока самъ преосвященный, будучи въ Ушнѣ, не далъ имъ благословенія. А пока дано было послѣднее, то умеръ козакъ Михайло Сѣнченко, который ни исповѣданъ, ни сакраментованъ, и по обычаю христіанскому съ похорономъ не хороненъ, но сами козаки въ саду схоронили, которого гробъ и до сихъ поръ не печатанъ... * Такія возмутительныя отношенія духовенства и монастырей къ крестьянамъ мы видимъ во весь XVIII в., что конечно было не безъизвѣстно и государственной власти. Такъ въ 1767 г. правитель малороссіи Румянцевъ писалъ Императрицѣ Екатеринѣ, что „монастырскія имѣнія управляются безпредѣльно по произволенію властей, натурально не съ выгодою

* Архивъ малор. коллегіи, записки Черниг. стат. комитета, т. I, стр. 61.

для подданыхъ, (т. е. крестьянъ), ниже оныхъ раченіемъ". *

Относительно исторіи угнетенія и потомъ постепеннаго закрѣпощенія малороссійскими панами крестьянства до насъ дошло громадное количество жалобъ крестьянъ, съ которыми они метались изъ стороны въ сторону, выпрашивая то у одной власти, то у другой себѣ пощады отъ насилій пановъ. Въ этомъ отношеніи Архивъ малороссійской коллегіи хранящійся нынѣ въ г. Черниговѣ, до сихъ поръ совершенно неразработанный, представляетъ любопытную массу самыхъ разнообразныхъ матеріаловъ, рисующихъ безотрадное положеніе малороссійскаго крестьянства конца XVII и всего XVIII вв.

Внимательно просматривая матеріалы, почерпнутыя изъ вышеупомянутаго Архива и напечатанныя въ запискахъ Черниговскаго Статистическаго Комитета, нельзя

* Малороссія въ 1767 г. Авсѣенка, стр. 144.

не прійти въ изумленіе въ виду тѣхъ страшныхъ злоупотребленій, тѣхъ варварскихъ отношеній къ крестьянамъ, которыми заклеймило себя панство, особенно въ XVIII в. Подъ гнетомъ почти неограниченной власти пановъ воскресли многообразныя и тяжкія повинности крестьянъ, существовавшія еще при польскомъ господствѣ, и потомъ, въ эпоху Хмельницкаго, на время исчезнувшія. Такъ въ актѣ 1722 г., заключающемъ въ себѣ жалобу крестьянъ села Лобковъ на владѣльца земли, на которой они жили, мы находимъ слѣдующее краснорѣчивое описаніе крестьянской доли того времени: „Мы, нижепоименованные на подписи, убогие и оскорбленные мужеве села Лобковъ, поданные отъ ясновельможного въ подданство пану Андрею Дзѣвулскому, до ласки рейментарской, а прежде, изъ стародавнихъ лѣтъ, наше село зоставало въ тягломъ до города Погара на ратушъ послушаніи, а въ подданствѣ ни когда не бывало.... съ крова-

выми слезами нашими бьемъ челомъ на своего пана Андрея Дзѣвулскаго, за которымъ теперъ живемо въ поддянствѣ,—велия обиды и тяжести наложенные и неудобозносные претерпѣваемъ, побоища киевые безвинне при старости лѣтъ нашихъ, такожъ и дѣтей нашихъ бьетъ мордерско мало не до умертвія. А на пригонъ съ кождого двора по человѣку зъ конемъ высылаетъ уставичне, безъ перемѣны, *кождого* дня на роботизну, не минуючи и не чтячи господскихъ божественныхъ праздниковъ и святыхъ нарочитыхъ; а въ кого немашъ коней, то и пѣшіи идемъ. Которои по его таковой тяжести не можемъ отнюдь выдержать, бо гдыжъ и до великого убожества пришлисмо и на здоровье пострадалисмо отъ него. А иные мужеве не могли таковыхъ тяжестей выдержать, и побоищевъ невинне претерпѣвать, мусили домы и жилища свои, гдѣ порожалися, оставивши вся своя, *посходили вонъ зъ села*..... Въ другихъ

многочисленныхъ актахъ мы читаемъ туже плачевную исторію, что крестьяне, вслѣдствіе угнетенія пановъ „*поросходилися по сторонамъ*“ и остались на селѣ одни только *нищенствующіе*. Въ нѣкоторыхъ *жалобахъ* мы читаемъ о звѣрствѣ различныхъ малороссійскихъ *Салтычихъ*. Такъ въ 1733 г. крестьянинъ села Малыхъ Будищъ Андрей Пугачъ пишетъ Гадячскому полковнику, что онъ свою дочь Евфросинію „по случаю крайняго убожества, также увѣчья и вдовства своего, отдалъ было на прокормленіе и услугу бывшей Гадячской полковницѣ Михайловой Милорадовичевой панеи Ульянѣ, у которой она, дочя моя, лѣтъ 18, изучила мастерство тканья ковровъ. Во все это время, дочь моя вѣрно служила панеи Милорадовичевой, не получая ни какой платы. Въ этомъ году, прошлаго 21 Іюня, безъ бытности Милорадовичевой дома, дочь моя пришла было ко мнѣ, въ монастырское село Малые Будища, какъ до отца, *въ гос-*

тину; но за ней сейчасъ-же прибѣжали панскіе слуги и взяли ее въ Гадячъ. И по привозѣ ее туда, пани Милорадовичева сейчасъ-же, велѣвши слугамъ разложити, такъ тиранско канчуками по спинѣ и по череву, паче же нарочно ноги роставили, по срамному уду бити казала, же обидва исходы не моглы внутрности задержати..... Одъ якого безчеловѣчнаго тиранства кровью изшедши, ибо своими черевиками (башмаками) она, Милорадовичева, очи повыдавлевала и зубы всѣ повыбывала.....на третій день дочь моя умре, безъ надлежащаго обрядку церковнаго. И хотя парохіальному священнику петровскому, Симеону Васильевичу, отъ намѣстника Гадяцкаго и запрещено было погребать тѣло моей дочери безъ осмотру гражданской власти, однако онъ попъ, „знать скорумповавшися,“ т. е. вѣроятно будучи подкупленъ, ослушался приказа и погребъ.... (*)

* Записки Черниг. Стат. Ком. т. I. стр. 65.

Вмѣстѣ съ новымъ образованіемъ крупной поземельной собственности въ Малороссіи изъ имѣній, которыя по прихоти раздавались козацкими гетманами тому или другому пану, съ начала XVII в. началась раздача свободныхъ ранговыхъ земель различнымъ великороссійскимъ чинамъ. Такъ, между прочимъ, гетманъ Скоропадскій, подарилъ извѣстному дѣятелю Петровской эпохи Меншикову Почепскую волость, съ городомъ Почепомъ.

По словамъ Конисскаго, „Меншиковъ, получа отъ гетмана такой знатный подарокъ, увеличилъ его собственною своею властью вдесятеро и, подъ видомъ древняго уѣзда Почепскаго, присоединилъ къ Почепской волости сотни: Мглинскую, Бакланскую и части сотень Стародубской, Погарской, занявъ все то своимъ ограниченіемъ и проведенною при томъ чрезъ иностранцевъ всемогущею астролябіею, которой до того по всей Руси не бывало и предъ которою

все было безмолвно, почитая направленіе и дѣйствіе ея магнита божественнымъ или магическимъ произведеніемъ. Вошедшіе въ то ограниченіе владѣльцы, чиновники и козаки, съ ихъ крестьянами или посполитыми, причислены къ Почепу и обложены всѣми повинностями посполитства тогдашняго, считая всю Почепщину тогдашнюю удѣльнымъ княжествомъ Менщиковымъ.“ *

Такая раздача гетманами великорусскимъ чинамъ имѣній въ малороссіи дѣлалась въ тѣхъ видахъ, чтобы заручиться на всякій случай ихъ значеніемъ и могущественнымъ положеніемъ въ государствѣ; между тѣмъ пріобрѣтеніе великороссійскими чинами имѣній въ малороссіи неизбѣжно вело къ тому, что въ такія имѣнія вводились условія великорусскаго землевладѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ установлялись крѣпостные взгляды по отношенію къ жившимъ въ нихъ посполитымъ. Этому

* Исторія Руссовъ Конисскаго, стр, 221,

весьма много способствовалъ указъ 1728 г., легитимировавшій раздачу гетманами великорусскимъ чинамъ имѣній въ Малороссіи съ одной стороны, и разрѣшавшій вообще великорусскимъ людямъ пріобрѣтать въ Малороссіи поземельную собственность—съ другой. Безъ сомнѣнія, тѣ великорусскіе порядки, которыя заводились въ такихъ имѣніяхъ, должны были послужить идеаломъ владѣльческихъ отношеній къ крестьянамъ и для имѣній малороссійскихъ пановъ.

Постепенно усиливавшееся угнетеніе крестьянъ неизбѣжно должно было отразиться на судьбѣ ихъ весьма безотраднымъ образомъ. Крестьяне мало по малу приходили въ совершенную бѣдность. Сначала они, въ надеждѣ улучшить свое положеніе, переходили отъ одного пана къ другому, но это не обезпечивало ихъ участи, и вотъ они начинаютъ бросать свою родину и убѣгаютъ въ Бессарабію, на Донъ, или поселяются въ степяхъ новороссійскихъ, саратов-

скихъ и оренбургскихъ. Такимъ образомъ выселилось изъ Малороссіи громадное число крестьянъ, отчаявшихся видѣть когда нибудь улучшеніе своего быта. Обѣдненію и потомъ бѣгству крестьянъ способствовали еще и другія обстоятельства. Великороссійскіе ратные люди, квартировавшія въ Малороссіи, и правительственныя лица изъ великороссіянъ, управлявшіе ея судьбою, смотрѣли на Малороссію, какъ на завоеванную страну и потому позволяли въ ней дѣлать что угодно. Въ началѣ XVIII вѣка идетъ рядъ *просительныхъ статей* гетмановъ, обращенныхъ къ государямъ, въ которыхъ постоянно испрашивалось облегченіе отъ тягости военныхъ постоевъ. Такъ еще въ 1722 году гетманъ Скоропадскій писалъ Петру I: „Малую Россію чрезъ тринадцать лѣтъ отъ станцій и переходовъ войскъ армейскихъ и въ людехъ и въ пожитки нынѣ оскудѣвшую, благоволили Ваше Императорокое Величество, по своемъ вы-

сокомъ милосердію, ради всемірной радости, въ оной станціи помиловати, обще со всѣми малороссіянами рабски молю, ибо такъ козаки, яко и посполитые остались *малочисленны*.... якъ и нынѣ подъ Ладогу и до Царыцина нынѣ двадцать тысячей козаковъ зъ малой Россіи вышло, а домы ихъ отъ кормленія драгунъ не свободны суть". * Въ 1728 г. гетманъ Апостолъ въ своихъ статьяхъ проситъ „благопризрительнаго на народъ малороссійскій помилованія, ибо не только великороссійскими войсками, но и мекленбурцами и сербами зѣло народъ малороссійскій обтяженъ, и всѣ вообще ищутъ и просятъ въ томъ милости".** Такое разореніе войсками страны, въ связи съ все болѣе и болѣе воцарявшимся, по отношенію къ народу, произволомъ и насиліемъ пановъ, неизбѣжно вело къ общему упадку народнаго благосостоя-

* Исторія малор. Маркевича, т. 3, стр. 339,
** Тамъ же, т. 3, стр. 353.

нія, и заставляло крестьянское сословіе расходиться по степямъ и тамъ искать себѣ лучшей доли.

До конца XVIII в. высшая администрація не прибѣгала къ энергическимъ мѣрамъ, чтобы хоть сколько нибудь облегчить крестьянское сословіе и пресѣчь зло, все болѣе и болѣе внѣдрявшееся въ Малороссіи; тѣмъ не менѣе уже во концѣ XVII в. начинаютъ доходить до верховной власти жалобы крестьянъ на пановъ. Въ 1692 году на такую жалобу крестьянъ царямъ, былъ сдѣланъ запросъ гетману Мазепѣ: *„о маетностяхъ, разнымъ особамъ данныхъ, что происходятъ между народомъ посполитымъ вопль и прекеканія“*. Мазепа отвѣчалъ общими выраженіями, что онъ принялъ надлежащія мѣры къ тому, *„дабы поспольство прекеканій не чинило“*. Но какъ бы ни были сильны жалобы крестьянъ на пановъ, едва ли они могли найти себѣ доступъ къ государямъ: паны дѣлали свое

дѣло, обогащались, устраивали себѣ громадныя имѣнія и подкупами различныхъ министровъ и вельможъ совершенно заслонили собой верховную власть отъ народа, отнявъ такимъ образомъ у крестьянъ всякую возможность найти себѣ у нея защиту и покровительство. Такимъ образомъ всѣ распоряженія, исходившія отъ высшей администраціи по отношенію къ Малороссіи всего менѣе касались участи крестьянскаго сословія. Только въ царствованіе Елисаветы издано было нѣсколько указовъ, имѣвшихъ цѣлью облегчить положеніе крестьянъ, и послѣдними законодательными актами правительственной заботливости о благѣ малороссійскаго поспольства, которою проникнуто было царствованіе Елисаветы Петровны, былъ рядъ указовъ, направленныхъ какъ противъ различныхъ великороссійскихъ чиновъ, которые, пріобрѣвъ въ Малороссіи поземельную собственность, стремились ввести въ своихъ имѣніяхъ крѣпостное право уже на великорусскихъ нача-

лахъ, укрѣпляя посполитыхъ себѣ въ *вѣчное холопство*, такъ и вообще противъ угнетенія и обращенія себѣ въ подданство посполитыхъ малороссійскими панами. Такъ въ указѣ 21 мая 1742 г., * между прочимъ, сказано: „что великороссійскихъ разныхъ чиновъ люди малороссіянъ, разными образы, въ *вѣчное холопство* укрѣпляютъ, берутъ на нихъ крѣпости и своеручныя всякія письма, иныхъ же подъ неволею женятъ на крѣпостныхъ своихъ женкахъ и дѣвкахъ и тѣмъ крѣпятъ оныхъ себѣ въ вѣчное холопство;“ вслѣдствіе чего указомъ этимъ повелѣно, чтобы „оныхъ малороссіянъ никто, кто бы какого званія и достоинства ни былъ, въ услуженіи себѣ ни какимъ образомъ въ вѣчное холопство не укрѣплять, а содержали бы ихъ въ услуженіи по добровольному ихъ желанію, безъ всякаго принужденія. И во исполненіе оного ея Императорскаго Величества указа, прави-

* П. С. З. № 8578.

тельствующій сенатъ приказалъ: какъ въ малой Россіи, такъ и во всемъ государствѣ, о томъ указами Ея Императорскаго Величества на крѣпко подтвердить, чтобы малороссіянъ никто, ни какимъ образомъ, ни кому въ вѣчное холопство не крѣпить, и на крѣпостныхъ дѣвкахъ подъ неволею не женить; ежели кто и добровольно женится, такихъ по женамъ потому же не крѣпить, но и съ тѣми ихъ женами быть свободными. Буде же кто на нихъ хоть какія крѣпости и письма имѣютъ, оныя будутъ не дѣйствительными, а имѣть въ услуженіи по добровольному ихъ желанію". Въ подтвержденіе этого указа, въ томъ же году, іюля 3, послѣдовалъ другой, въ которомъ Императрица рѣшилась на болѣе строгую мѣру противъ злоупотребленій со стороны помѣщиковъ. Такъ въ послѣднемъ указѣ говорится, что „ежели кто отъ сего времени дерзнетъ, въ противность выше, писаннаго указа отъ 21 мая и сего

нашего указа, съ малороссіянами поступать такимъ образомъ, съ тѣми будетъ учинено, какъ съ явными преступниками и ослушниками нашихъ указовъ, по гражданскимъ правамъ и воинскимъ артикуламъ безъ всякаго милосердія, и дабы тѣ, до кого сіе касается, и обще всѣ нашего государства поданные о семъ вѣдали, и отъ такихъ, въ противность нашимъ указамъ поступковъ, себя хранили".

Въ инструкціи, разосланной для составленія новой ревизіи при указѣ 16-го декабря 1743 г. * въ § 14, высказана таже заботливость Императрицы Елисаветы по отношенію къ малороссійскому поспольству. Инструкція эта предписываетъ, что „если при генеральной ревизіи явятся гдѣ малороссійцы, всѣхъ и съ дѣтьми ихъ прописать особо порознь, показавъ, которые изъ нихъ желаютъ у кого и гдѣ добровольно въ услуженіи и на пашняхъ жить,

* П. С. З. № 8836.

и которые изъ нихъ не женаты на крѣпостныхъ дѣвкахъ или женкахъ; но при томъ имъ объявить, что та имъ перепись чинится, какъ и выше показано, токмо для одного извѣстія, и не для какихъ нибудь поборовъ, или государственныхъ податей, и какіе изъ нихъ по скольку доходовъ помѣщику платятъ; а которые ни у кого жить не пожелаютъ, тѣмъ, по силѣ вышеупомянутыхъ указовъ, дать свободу и написать ихъ особо-жъ; при томъ на крѣпко смотрѣть, чтобы подъ именемъ малороссійцевъ не было великороссійцевъ; и ежели по подлинному освидѣтельствованію явятся такіе великороссійцы, съ оными поступать, какъ выше сего изображено".

Но ни какіе указы, ни какія угрозы, направленныя противъ великорусскихъ помѣщиковъ и малороссійскихъ пановъ, не могли остановить зло, которое широкимъ потокомъ разлилось по всей Малороссіи, и для уничтоженія котораго требовались бо-

лѣе радикальныя мѣры. Но тогдашнее устройство мѣстной администраціи, составленное изъ пановъ-грабителей, всего менѣе представляло условій для достиженія правительственныхъ цѣлей по отношенію къ посполству, и все, что предпринималось для блага послѣдняго сверху, парализировалось снизу съ тою ловкостію и умѣньемъ обходить законъ и попирать самые дорогіе и священные права народа какою ознаменовала свою дѣятельность, во весь періодъ XVIII вѣкѣ, малороссійская старшина.

Среди тѣхъ великорусскихъ людей, которымъ, тѣмъ или другимъ образомъ, пришлось вліять на судьбы Малороссіи, оказался одинъ человѣкъ, оставившій по себѣ память знаменитою запискою, представленною имъ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, въ 1760 г., „о непорядкахъ, происходящихъ въ Малороссіи“. Это былъ Тепловъ, лицо извѣстное по близкимъ отношеніямъ

къ послѣднему гетману Разумовскому. Нельзя сказать, что онъ безъошибочно оцѣнилъ въ своей запискѣ факты, касающіеся вообще Малороссіи; но съ другой стороны, отзывъ его о поспольствѣ не можетъ не быть отголоскомъ, существовавшихъ тогда и въ средѣ малороссійскихъ пановъ и въ правительствѣ, цѣлей относительно переустройства экономическаго и юридическаго положенія поспольства. Теплова поразилъ крѣпко установившійся въ странѣ обычай вольнаго перехода крестьянъ съ мѣста на мѣсто, такъ рѣзко расходившійся какъ съ интересами помѣщиковъ, такъ и правительства, финансовымъ цѣлямъ, котораго мѣшало это шатаніе поспольства съ одного мѣста на другое, такъ какъ при этомъ не было гарантіи для правильнаго отправленія государственныхъ и земскихъ повинностей. Вѣрный духу своего времени и господствовавшему тогда взгляду на несчастное крестьянство, Тепловъ вотъ какую не-

чальную картину рисуетъ относительно поспольства: „къ внутреннему и собственному разоренію, есть вредъ наиближайшій малороссійскому народу—вольный переходъ съ мѣста на мѣсто, который причиною, что бѣдные помѣщики часъ отъ часу въ большую бѣдность приходятъ, а богатые паче усиливаются, и мужики, не чувствуя своей погибели, дѣлаются пьяницами, лѣнивцами и нищими, умирая съ голоду въ благословенной плодородіемъ странѣ.... Мужикъ, имѣя власть перемѣнять свое селеніе, всеконечно, ищетъ прежде всего, какъ бы ему найти удобности свой хлѣбъ жевать безъ труда; сего ради не допускаетъ обременять себя ни какою излишнею работою. Между тѣмъ, изобилующіе помѣщики землями, или ограбленными государевыми, или за долгъ шинковый себѣ приговоренными, или по сходѣ лѣнивцовъ впустѣ лежащими, обыкновеніе имѣютъ поселять слѣдующимъ образомъ: сперва опредѣлитъ слугу, наряжен-

наго у бѣдныхъ помѣщиковъ подговоривать, прельщая многими льготами, что весьма легко имъ и удается, потому что бѣдный больше заставляетъ мужика своего работать, нежели богатые, ежели кредита инаго къ тому въ націи не имѣетъ; потомъ выставитъ на пустой своей землѣ большой деревянный крестъ, на которомъ для грамотныхъ надпишетъ, а для неграмотныхъ скважинами проверченными означитъ, на сколько онъ лѣтъ новопоселившимся обѣщаетъ льготы отъ всѣхъ чиншовъ, то есть оброковъ и господскихъ работъ. Между тѣмъ, мужики праздноделѣльные и лѣнтяи о томъ не оставляютъ павѣдываться, гдѣ и сколько временными свободами крестъ выставленъ на поселеніе слободы, и провѣдавъ, выбираютъ мѣсто, которое имъ льготнѣе покажется. Такимъ образомъ вылеживаетъ мужикъ урочные годы въ крайнемъ лѣнивствѣ, а къ концу срока провѣдываетъ о новой кличкѣ на слободу и новаго креста ищетъ, и

симъ образомъ весь свой вѣкъ нигдѣ не заводитъ никакого хозяйства, а таскается отъ одного къ другому кресту; перевозя свою семью и перемѣняя свое селеніе. Для сихъ причинъ они по большей части и ни какого у себя не заводятъ домоводства, дабы удобнѣе было съ мѣста на мѣсто подняться, тѣмъ больше, что онъ тотъ переходъ тайкомъ отъ помѣщика учинить долженъ; ибо помѣщикъ подъ претекстомъ тѣмъ, яко бы мужикъ все, что ни имѣетъ, нажилъ на его помѣщичьихъ грунтахъ, какъ скоро провѣдаетъ о его предпріятіи, грабитъ все его имѣніе, на которое онъ, по силѣ Статута, право имѣетъ. Такъ поступаютъ помѣщики безкредитные въ націи; а сильные кредитомъ, заманивши единожды на свою землю мужика, много и иныхъ способовъ имѣютъ не выпустить отъ себя переселиться къ другому. Такимъ образомъ въ изобиліи и плодородіи земли малороссійской, земледѣлецъ претерпѣваетъ гладъ, убогій помѣщикъ въ

большую бѣдность впадаетъ, а богатый усиливается числомъ подданныхъ; между тѣмъ государственная польза отъ малороссійскаго народа не только изобиліемъ земли не возростаетъ, но еще часъ отъ часу въ упадокъ приходитъ“ *).

Правительственныя мѣры, предпринятыя въ началѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія по преобразованію Малороссіи, показывали уже всѣ признаки разрушенія всего того, что послѣ Хмельницкаго и до него было выработано жизнью народа, какъ по отношенію къ праву вольнаго перехода крестьянъ съ мѣста на мѣсто, такъ и по отношенію вообще къ гражданской правоспособности поспольства. Какъ извѣстно, при великой преобразовательницѣ Малороссіи, Екатеринѣ II, развитіе крѣпостнаго права въ Великороссіи достигло самихъ крайнихъ размѣровъ. Со времени ея вступленія на пре-

*) Записки о Южной Руси, т. II. стр. 194—196.

столъ идетъ рядъ указовъ, подавляющихъ окончательно всѣ права крестьянской личности. Такъ въ 1762 г., по поводу крестьянскихъ волненій въ нѣкоторыхъ великорусскихъ губерніяхъ, изданъ былъ указъ, въ которомъ говорится, что „крестьяне, ослѣпленные и прельщенные ложными слухами, по прежнему во многихъ мѣстахъ продолжаютъ отказываться отъ повиновенія своимъ помѣщикамъ“. Почему, какъ этимъ, такъ и другими, скоро послѣдовавшими затѣмъ указами, предоставлено право помѣщикамъ ссылать крестьянъ въ Сибирь *за продерзости*, и отдавать, по собственному усмотрѣнію, крестьянъ въ зачетъ въ рекруты въ какое угодно время. Вѣнцомъ всѣхъ этихъ крутыхъ мѣръ царствованія Екатерины былъ указъ 1767 г. 22 августа. Въ немъ, кромѣ обычныхъ, такъ часто повторявшихся угрозъ противъ крестьянъ, говорится, что „которые люди и крестьяне въ должномъ у помѣщиковъ

своихъ послушаніи не останутся и не дозволенныя на помѣщиковъ своихъ челобитныя, а наипаче въ собственныя руки Императрицы подавать отважутся, то, какъ челобитчики, такъ и сочинители сихъ челобитенъ, наказаны будутъ кнутомъ и прямо сошлются въ Нерчинскъ". *

Въ 1763 началась въ Малороссіи третія ревизія. Безъ всякаго сомнѣнія, при тогдашней системѣ производства у насъ вообще ревизій, не возможно было окончить ее съ тѣмъ успѣхомъ, который бы соотвѣтствовалъ ея финансовому характеру, и этому, главнымъ образомъ, мѣшалъ вольный переходъ посполитыхъ съ мѣста на мѣсто, не согласовавшійся вообще съ видами правительства и интересами пановъ и великорусскихъ помѣщиковъ, поселившихся въ Малороссіи. Все это послужило основаніемъ къ изданію 10-го декабря 1763 г. указа, въ которомъ ограничивалось уже право поспо-

* П. С. З. № 12966.

литыхъ на свободный переходъ съ мѣста на мѣсто, и въ которомъ уже нельзя не видѣть попытки къ введенію въ Малороссіи крѣпостнаго права: „увѣдомились мы“, говорится въ указѣ, „о малороссійскомъ посполитомъ народѣ, что многіе, оставя свои жилища и экономіи, и не радя о своемъ и общемъ добрѣ, переходятъ столь часто съ мѣста на мѣсто, что не въ состояніи потому ни малѣйшей твердости въ своемъ домостроительствѣ основанія положить, и тѣмъ самимъ, находятся праздными, подвергаютъ себя крайнему разоренію и нищенству, не сохраняя при томъ и онаго права вольностей, кои имъ отъ предковъ нашихъ утверждено; ибо и въ 1748 году публикованнымъ указомъ тотъ свободный имъ переходъ подтвержденъ, слѣдственно въ силу самого того указа долженъ малороссійской народъ таковымъ свободнымъ переходомъ пользоваться по прежнему, на основаніи ихъ малороссійскихъ правъ..... но

къ крайнему нашему сожалѣнію видимъ, что малороссійской нашъ народъ тѣми въ свободномъ переходѣ правами не пользуясь, и яко отъ несвѣденія оныхъ обращается въ вышепредписанномъ безпорядкѣ и нищенствѣ. Того ради, милосердствуя объ нихъ къ собственному ихъ отъ того предохраненію и защищенію, и для возстановленія ихъ добра и покоя, всемилостивѣйше повелѣваемъ тому малороссійскому посполитому народу всѣмъ, гдѣ кто съ публикованія сего нашего указа на поселеніи, въ земледѣльчествѣ, въ работѣ или услуженіи находится, пребывать по ихъ собственнымъ желаніямъ спокойно безъ всякой высылки и безъ наималѣйшаго утѣсненія, равномѣрно же и свободной имъ, по ихъ желаніямъ, съ мѣста на мѣсто переходъ имѣть во всемъ на точномъ и непремѣнномъ основаніи правъ малороссійскихъ, въ книгѣ статута изображенныхъ; а напротиву того никому малороссійского посполитого народа людей, безъ

письменнаго отпуска одинъ отъ другого владѣльца отнюдь не принимать, равно же по ихъ желаніямъ въ дачѣ повелѣнныхъ тѣми правами письменныхъ отпусковъ не удерживать подъ штрафомъ въ тѣхъ правахъ положеннымъ; а буде бъ кто кого отпустить не похотѣлъ, тѣмъ о объявленіи въ ближнихъ судахъ поступать, какъ точно раздѣла 12, артикула 24, во 2 пунктѣ показано“.... *) Какъ видно, указъ этотъ не запрещаетъ окончательнаго передвиженія посполитыхъ съ мѣста на мѣсто, и, по своимъ мотивамъ, имѣетъ характеръ опеки на пользу посполитыхъ; но тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить, что имъ установляется уже юридическая зависимость посполитыхъ отъ владѣльцевъ. Послѣдующіе указы были дальнѣйшимъ развитіемъ мысли, положенной въ основаніе вышеупомянутаго ограниченія посполитыхъ въ правѣ

*) П. С. З. № 11987.

вольнаго перехода. Такъ указъ 28 августа 1766 года, уничтожалъ дарованныя Елисаветою права малороссіянъ, поселенныхъ на великорусскихъ земляхъ, въ отношеніи къ владѣльцамъ этихъ земель. Онъ состоялся послучаю возмущенія несчастныхъ поселенцевъ, вызваннаго притѣсненіями помѣщиковъ, которые стали смотрѣть на нихъ, уже какъ на крѣпостныхъ. „Ея Императорское Величество, даннымъ сенату указомъ, Высочайше повелѣть соизволила тѣмъ слободамъ (малороссійскимъ) объявить чтобы всеконечно оные *пошли въ послушаніе тѣмъ, кои ихъ называютъ своими*... и во исполненіе Высочайшаго Ея Императорскаго Величества матерняго милосердія и повелѣнія, чрезъ сіе публикуется съ тѣмъ, чтобы не послушные малороссіяне и черкассы, оставя всѣ свои противности и упорства, конечно бы пришли въ послушаніе своимъ владѣльцамъ, у коихъ они были, въ противномъ случаѣ, съ ними будетъ посту-

плено, яко слушниками указовъ и возмутителями общаго покоя“ *).

Въ то время, когда издавались эти указы, имѣющіе характеръ нѣкоторой заботливости о крестьянахъ, общее состояніе малороссіи заключало въ себѣ много безотрадныхъ сторонъ. Вотъ что писали объ этомъ въ 1763 г.: „во всей Украйнѣ ни единого изъ купцовъ капиталистовъ нѣтъ, который бы купечествомъ знатенъ былъ. Всѣ ихъ продукты или худо заведены и въ торгъ негодятся для выпуску, или въ маломъ числѣ родятся. Географическое положеніе, малая домашняя консомація, тяжелымъ тарифомъ затрудненная, послѣдній духъ ихъ къ промысламъ умертвили, а притомъ пожитокъ отъ виннаго куренія, немногимъ трудомъ пріобрѣтенный, остатки въ нихъ склонности къ заведенію другихъ промысловъ истребили. Ни рукодѣлій, ни фабрикъ... люди бѣдны, а частію голод-

*) П. С. З. № 12773.

ны“ *). Все это, въ связи съ тѣми преобразовательными планами, которыми одушевлено было царствованіе Екатерины II, не могло не обозначить рѣзко признаковъ юридическаго признанія въ недалекомъ будущемъ крѣпостнаго права въ малороссіи, de facto ввѣдрившагося въ ней уже давно. Съ другой стороны, положеніе какъ малороссіи, такъ и нѣкоторыхъ окраинъ Россіи и ихъ отношеніе къ центральной правительственной власти не могло быть по сердцу Екатеринѣ II, отношенія которой вообще къ русскимъ окраинамъ всего лучше выражены въ секретнѣйшемъ наставленіи князю Александру Вяземскому при назначеніи его генералъ прокуроромъ, въ слѣдующихъ словахъ: „Малая Россія, Лифляндія и Финляндія суть провинціи, которыя правятся конфирмованными имъ привиллегіями, и нарушать оныя, отрѣшеніемъ всѣхъ вдругъ, весьма не пристойно бы было; однако жъ,

*) Основа 1862 г. № 1.

и называть ихъ чужестранными и обходиться съ ними на такомъ же основаніи, есть больше, нежели ошибка, а можно назвать съ достовѣрностью — глупость. Сіи провинціи, такъ же и Смоленскую, надлежитъ легчайшими способами привести къ тому, что бы они перестали глядѣть, какъ волки въ лѣсу“ *).

Еще болѣе положительно высказалась преобразовательница Малороссіи, Екатерина II, когда въ 1764 г. послѣдній гетманъ Разумовскій, замышлявшій о потомственномъ для себя гетманствѣ, получилъ увольненіе отъ этого званія. Екатерина, на мѣсто уничтоженнаго гетманского управленія учредила малороссійское генералъ-губернаторство, и поставила во главѣ его графа Румянцева, приказавъ А. В. Олсуфьеву составить для генералв губернатора надлежащую инструкцію для управленія Малороссіею: „къ тому (къ инструкціи) прибавить

*) Чтеніе импер. общ. истор. и древ. 1858 г.

надлежитъ, писала Екатерина II, Олсуфьеву отъ 30 октября, что бы сколько возможно привести оной народъ къ тому, *чтобы мужики съ мѣста на мѣсто не переходили*, и разбирать и раздѣлить le gouvernement militaire d'avec civil souverainement confandu dans cette province, (военное и гражданское управленіе чрезвычайно перемѣшаны въ сей провинціи); также новая народная перепись, по усмотрѣнію, время отъ меня истребовать ему позволеніе раздѣлить ихъ настоящіе права съ тѣми, которыя они самовольно себѣ присвоили, и во всемъ ему должно имѣть *и лисій хвостъ и волчій ротъ*. Доходовъ никакихъ нѣтъ оттуда; но еще отсель имъ дается 48,000 рублей... генералъ губернатору предписать надлежитъ, дабы онъ совершенно старался узнать тамошняго духовенства власть и имѣнія, дабы совершенно вредное пресѣчь и полезное завести можно было, однако же, сколько благоразуміе до-

зволитъ, согласно съ ихъ правами и привилегіями. И для того весьма надобно, что бы въ архіереяхъ и архимандритовъ поставлены были такіе персоны, отъ которыхъ ожидать было можно резонабельные сентименты, и не худо генералъ-губернатору узнать, какъ возможно, такихъ людей заранѣе, дабы во время архіерейскихъ ваканцій онъ субъекты намъ прямо отъ себя представилъ." *)

Если пристально вглядѣться въ судьбы Малороссіи второй половины XVIII в., то нельзя не замѣтить весьма безотрадныхъ явленій, какъ въ экономическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи: и въ высшемъ сословіи—въ средѣ народныхъ представителей, и въ средѣ простаго земледѣльческаго класса—посполитыхъ и козаковъ, заключались уже тогда всѣ признаки разложенія нравственныхъ началъ жизни, подпавшей окончательной деморализаціи бла-

*) Русскій архивъ. 1863 г.

годаря тяжко сложившимся обстоятельствамъ, подъ вліяніемъ которыхъ народъ утратилъ смыслъ и цѣль исторической жизни и долженъ былъ уже воспринимать новыя формы своего политическаго существованія, съ великорусскими порядками, которые въ то время не мыслимы были безъ крѣпостнаго права, со всѣми свѣтлыми и темными сторонами тогдашняго великорусскаго общественнаго быта. При взглядѣ на тогдашнее состояніе Малороссіи нельзя не удивляться, какимъ образомъ могла установиться въ ней такая всеобщая распущенность нравовъ, такая полная во всѣхъ дѣлахъ безурядица и повсемѣстное отсутствіе справедливости и въ жизни и въ судахъ. Подобно феодальнымъ баронамъ малороссійскіе старшины и вообще козацкіе чины безпощадно грабили простолюдина. Ради корыстныхъ цѣлей посполитые были записываемы въ козаки, и нельзя сказать, чтобы этимъ они избавлялись отъ той неволи, въ которой зажило козачество

съ эпохи Хмельницкаго до послѣднихъ годовъ XVIII в.; ради тѣхъ же корыстныхъ цѣлей пановъ козачество обращалось въ сословіе посполитыхъ, чтобы упитывать своими кровавыми трудами алчное малороссійское панство. Козацкіе старшины и вообще привилегированный классъ Малороссіи, ища власти, господства, достигало этого на счетъ все больше и больше усиливающагося угнетенія и порабощенія крестьянъ и простаго козачества... Чиновничество брало взятки и разжигало, ради ихъ, безконечныя тяжбы Малороссіянъ. Постепенно народъ падаетъ все ниже и ниже и нравственно и матеріально; бѣдность, невѣжество, повсемѣстное угнетеніе народа со стороны старшинъ,— вотъ что мы видимъ въ то время въ Малороссіи. Кромѣ того народное образованіе въ то время замѣтно упало; общество и народъ смотрѣли на него какъ на средство выдвинуться *въ люди*. При упадкѣ гражданственности, при всеобщей распущенности

нравовъ, образованіе родило цѣлую массу грамотѣевъ, умѣвшихъ только писать ябеды и кляузы,—таковы плоды школьнаго образованія въ Малороссіи во второй половинѣ XVIII вѣка. Одно зло выдвигало и другое. Въ народѣ распространилось повсемѣстное пьянство, причина котораго, въ глазахъ правительства, заключалась въ правѣ свободнаго винокуренія *). Изъ универсаловъ гетмана Разумовскаго, приводимыхъ Маркевичемъ въ

*) О томъ, какъ пользовались пьянствомъ народа нѣкоторые чиновные люди, разсказываетъ Маркевичъ въ своей Исторіи слѣдующее: »Въ 1763 году появились въ малороссіи *Пикинерія* и *Вербунки*. Мельгуновъ ѣздилъ по Заднѣпровью и, описывая народъ полудикимъ, подалъ мысль вербовать. Явились вербовщики. Мельгуновъ останавливался въ шинкахъ, его шайка пѣла, плясала, пила до нельзя, поила козаковъ и народъ; потомъ пьянымъ предлагала записаться на службу, въ пикинеры, прибавляя, что пикинеры даже лучше, чѣмъ козаки, потому что начальства не боятся и шапки ни предъ кѣмъ не снимаютъ. Бѣднѣйшіе и «великіе опіяки» записывались съ радостью. Грамотные шинкари и церковники становились ротмистрами и поручиками. Но когда начали учить ихъ строевой службѣ, они, увидя бѣду, разбѣжались по куренямъ и по хуторамъ Новосербскимъ.«

ero Исторіи Малой Россіи, видно, что пьянство это достигло въ то время ужасающихъ размѣровъ. Въ одномъ гетманскомъ универсалѣ, подъ 1761 годомъ, говорится, что малороссіяне бросаютъ скотоводство и земледѣліе и вдаются въ непомѣрное винокуреніе; они истребляютъ лѣса для винокуреныхъ заводовъ и нуждаются въ отопкѣ хатъ; дорого покупаютъ хлѣбъ и не богатѣютъ, а только пьютъ; вино производятъ не для прибыли, но для одного только пьянства. Въ нѣкоторыхъ же козачьихъ сотняхъ козаки отъ винокуренія до того обѣднѣли, что оказались совершенно не состоятельными къ козачьей службѣ. „Пристрастясь къ пьянству, говорится въ универсалѣ, и разлѣнясь къ работамъ, и не имѣя откуду себя снабдить лошадьми и амуниціею къ службѣ козачьей, принуждены у можнѣйшей своей братіи занимая деньги, давать въ закладъ свои грунта, и за не выкупъ на срокъ вѣчно терять должны“.

Разумовскій воспрещаетъ производить винокуреніе всѣмъ, кромѣ помѣщиковъ и козаковъ, имѣющихъ грунты и лѣса.

Въ виду ломки козацкихъ порядковъ, предпринятой правительствомъ во второй половинѣ XVIII в., малороссійскіе паны имѣли уже серьезное основаніе разсчитывать на скорое утвержденіе въ Малороссіи на прочныхъ началахъ крѣпостнаго права, и, такимъ образомъ, узаконеніе крѣпостнаго права сдѣлалось теперь особенно желательнымъ панству. Съ другой стороны, крестьяне не могли тоже не чувствовать, что конецъ вольнаго перехода приближается, и, естественно, они не могли не прійдти въ отчаяніе. Такимъ образомъ, когда въ 1764 году гетманъ Разумовскій сдѣлалъ распоряженіе о переписи въ Малороссіи людей по душамъ, и хотя эта перепись не имѣла въ виду никакого финансоваго налога, тѣмъ не менѣе народъ вообразилъ, что его хотятъ закрѣпить за владѣльцами земель, на которыхъ

они жили, и въ средѣ его распространился страхъ и уныніе; множество людей бѣжало во владѣнія Польши и въ Крымъ, въ Новороссійскія, Саратовскія и Оренбургскія степи, гдѣ образовали многолюдныя слободы, что, впрочемъ, было не ново, такъ какъ бѣгство крестьянъ было обычнымъ явленіемъ во весь, полный грабежа и насилій со стороны пановъ, XVIII в.. Когда на мѣсто уничтоженнаго гетманскаго управленія учреждена была малороссійская коллегія, на правахъ и преимуществахъ равныхъ другимъ государственнымъ коллегіямъ, и генералъ-губернаторомъ Малороссіи былъ назначенъ графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ,*

* Архіепископъ Конисскій, въ своей «исторіи Руссовъ», замѣчаетъ, что «коллегія сія вошла въ правленіе, яко роса на пажить и яко иней на руно, т. е. съ полною тишиною и кротостью, отличающею ее отъ прежнихъ коллегій малороссійскихъ, *имѣвшихъ духа бурна и характеръ презорства и ненависти.* Особенно народъ малороссійскій обрадованъ былъ своимъ генералъ-губернаторомъ, памятуя благодѣянія отца его, бывшаго прежде въ Малороссіи правителемъ. И онъ дѣйствительно оправдалъ надежды

то, спустя два года по вступленіи своемъ въ управленіе страной, именно въ 1766 году, Румянцевъ представилъ правительству мнѣніе *„о скупѣ въ Малой Россіи козачьихъ имѣній, о свободныхъ посполитыхъ и о живущихъ въ подданствѣ козакахъ, какъ имъ нынѣ быть и впредь оставаться.** Въ этомъ мнѣніи Румянцевъ, указывая, что статьи переяславскаго договора о точномъ опредѣленіи числа козаковъ не выполнены до послѣдняго времени,

народныя патріотическими своими поступками для его блага, и во-первыхъ: усмирилъ раззорявшія народъ воинскія команды прохожія и квартировавшія, коихъ поступки съ народомъ здѣшнимъ умалены были мало чѣмъ отъ нашествія татарскаго и другихъ непріятелей. Десятокъ солдатъ разгонялъ прежде цѣлыя деревни, а капральство ихъ потрясало самые города и мѣстечки. Управа же на нихъ была самая ближайшая: Кіевъ, Полтава и Смоленскъ, гдѣ начальство ихъ такъ были неприступны, какъ султаны азіятскіе, а привязки ихъ и претензіи мудренѣе всѣхъ узловъ гордіанскихъ. Все у нихъ до послѣдней булавки значило интересъ государевъ и за него придирки и взысканія были безконечны». Исторія Руссовъ Конисскаго, стр. 255.

* Чтенія Общества исторіи и древностей. 1861 г., кн. 2.

говоритъ, между прочимъ, что „дѣло невозможное отыскать тѣхъ прежнихъ козаковъ или ихъ потомковъ, которые были при Хмельницкомъ или по немъ, при другихъ преемникахъ“. Далѣе Румянцевъ замѣчаетъ, что, „не имѣя точныхъ и приблизительныхъ свѣденій кто козакъ и кто мужикъ, не трудно было покушаться старшинамъ, кои тогда прямыми были владѣльцами, и прямыхъ козаковъ порабощать себѣ въ подданство, а посполитыхъ, корысти ради, обращать въ козаки.... Что до списковъ казачьихъ, которые служатъ имъ основательнымъ на то закономъ, то (не упоминая о неисправности старыхъ), и новѣйшіе всѣ невѣрны, именно для того, что сотенные и полковые старшины, къ собственной своей корысти, старались вписывать подъ свою команду въ козаки изъ мужиковъ, подъ разными предлогами, боясь, что они или розданы будутъ владѣльцамъ или смотрителямъ препоручены будутъ. Пристрастіе толь неумѣренно, (какъ дѣла

свидѣтельствуютъ), что кто прежде казачью команду имѣлъ, въ иныхъ селахъ и мѣстечкахъ написали сами многихъ посполитыхъ въ козаки, утверждая ихъ быть тому состоянію подлежащими; но когда они сами мѣстечки и деревни получили во владѣніе свое, то сами взносили жалобы, чтобы по прежнему тѣхъ вновь писанныхъ козаковъ обратить въ званіе посполитыхъ". Румянцевъ заканчиваетъ свое мнѣніе слѣдующими словами: „и такъ, соглашая политическія причины съ добромъ приватнымъ, какъ не предлежитъ никакой нужды умножать безпрерывно число козаковъ, въ настоящемъ образѣ отягощающихъ только прочихъ жителей, а служба ихъ столь безстройна, сколь ни къ чему не удобна и не надежна, и поелику настоящее число ихъ составляетъ 71,064 хаты,—то чтобы отъ сего времени никого болѣе въ козаки не писать; а кто по нынѣшней генеральной въ Малой Россіи описи, къ окончанію приведенной, гдѣ какъ

найденъ будетъ, тому тамъ уже и быть вѣчно, о козачествѣ же молчать; нововписанныхъ же противозаконно и неслужащихъ чиновъ обратить въ прежнее ихъ званіе.“

Въ 1765 году Малороссійская коллегія распорядилась о новой генеральной переписи, въ программу которой входило исчисленіе душъ, дворовъ и хатъ, измѣреніе пространства земли, лѣсовъ, угодій, опись скота и даже рыбы въ прудахъ и проч. * Крестьянство пришло еще въ большее уны-

* Объ этой любопытной генеральной переписи Конисскій говоритъ, что «она, какъ въ своемъ родѣ, такъ и способъ ея произведенія, была новость необыкновенная; коммиссіонерами къ тому наряжены въ каждый повѣтъ штабъ, оберъ и унтеръ офицеры со многими писарями и рядовыми изъ великороссійскихъ консистующихъ полковъ и гарнизоновъ, кои, знавъ только строить и ранжировать солдатъ и ихъ школить, поступали по тѣмъ правиламъ и съ поселянами. Въ каждомъ селеніи выгоняли народъ изъ жилищъ его на улицы, не обходя никого и даже самыхъ ссущихъ младенцевъ, строили ихъ шеренгами и держали такъ на всякихъ погодахъ, въ ожиданіи прохода по улицамъ главныхъ комиссіонеровъ, кои, дѣлая имъ перекличку, замѣчали каждаго на грудяхъ крейдою (мѣломъ) и угольями, что-бы не замѣшался. Скотъ обывательскій, дер-

ніе; побѣги усилились; крестьянству вообразилось, что „ему больше ничего отъ того не слѣдуетъ, какъ только быть записаннымъ въ крѣпости, по примѣру великороссійскихъ крестьянъ, а для малороссійскаго народа и одно сіе воображеніе ужасно и несносно.“ *

жаный вмѣстѣ при своихъ хозяевахъ, также пересмотрѣнъ и переписанъ, яко значущій имѣніе хозяевъ. Ревъ скотскій и плачъ младенцевъ издали возвѣщали о приближеніи къ нимъ комиссіонеровъ со многочисленною ассистенціею. Послѣ людей и скотовъ принимались за помѣщиковъ и владѣльцевъ. Отъ нихъ требованы были крѣпости и доказательства на владѣніе помѣстьями и землями, и тутъ то потрясали всѣ сокровища каждаго. Обыкновенно домогались нѣякихъ писцовыхъ книгъ и жалованныхъ царскихъ грамотъ; но онѣ здѣсь были у однихъ поповъ на парафіи, да и то архіерейскія; а какъ помѣщикамъ, по правамъ и договорнымъ статьямъ ихъ, всѣ надачи и пожалованья происходили отъ Гетмановъ и трибунальныхъ правительствъ, а только немногіе имѣли на то подтвержденія царскія по ихъ желанію и случившимся нарочитымъ оказіямъ, то и представлены отъ всѣхъ владѣтелей универсалы Гетманскіе и декреты судовыя; но ихъ сначала считали за паш-

* Возраженіе депутата Григорія Полетики на настав. малоросс. коллегіи. Чтеніе Общест. Истор. и Древностей. 1858 г. кн. 3.

Между тѣмъ высшей администраціи, управлявшей дѣлами Малороссіи пришло время высказаться болѣе категорически, чѣмъ прежде, относительно малороссійскихъ порядковъ, и этотъ случай какъ разъ явился во время учрежденія въ 1767 г. „Комиссіи о сочиненіи новаго уложенія.“ Малороссійская коллегія назначила депутатомъ въ эту коммиссію члена своего, Наталина, снабдивъ его подробными наставленіями, на основаніи которыхъ Наталинъ, „яко членъ коллегіи, во всякомъ случаѣ и требованіи долженъ увѣдомлять комиссію о всѣхъ дѣлахъ и обстоятельствахъ въ Малой Россіи и въ надобномъ объяснять.“ * Эти *наставленія* представляютъ собой высокій интересъ собственно потому, что они, обрисовывая тогдашнее

порты, а не много что за свидѣтельства обыкновенныя, и послѣ уже мало по малу приходили они въ свою силу, смотря по старательствамъ владѣльцевъ и ихъ пожертвованіямъ. Истор. Руссовъ Конисского, стр. 256.

* Наставленіе выборному отъ малоросс. коллегіи, Наталину. Чтеніе Общества Исторіи и Древностей. 1858., кн. 3.

положеніе Малороссіи, въ то же время выясняютъ правительственныя цѣли по отношенію къ пересозданію ея порядковъ. Мы считаемъ необходимымъ остановиться нѣсколько подробнѣе на тѣхъ пунктахъ *наставленія*, изъ которыхъ можно составить цѣльное представленіе о положеніи Малороссіи въ началѣ второй половины XVIII в., какъ оно понималось тогдашнею администраціею. Такъ въ 5 § *наставленія* о городахъ, коллегія говоритъ, между прочимъ, что „многіе города и мѣстечки розданы владѣльцамъ, чего въ статьяхъ Гетманскихъ и Правахъ не написано. Жители въ оныхъ свойства свободнаго, и многіе собственное свое недвижимое имѣніе имѣющіе, опасаяся таковыхъ раздачъ и другихъ притѣсненій, принуждены были писаться въ козаки, торгуютъ и промышляютъ противъ права, натурально со многими неудобствами и безъ успѣховъ, а *гражданское все бремя лежитъ на оставшихъ, сколь въ числѣ малыхъ, столь и бѣдныхъ людяхъ.*

Гражданское начальство должности своей въ охраненіе правъ и привилегій не токмо не наблюдаетъ, но, *подъ разными видами, имѣнія и доходы городскія присвоило-частію въ собственность, а другія подъ именемъ урядовъ.*“ За тѣмъ, указавъ на необходимость установить разряды городскихъ обывателей, Коллегія, „къ возстановленію падшаго гражданства и купечества“ признаетъ необходимымъ, что бы „всѣхъ другихъ ни способностей, ни имущества, ни ремесла, ни промысла, гражданамъ пристойныхъ, не имущихъ, яко то черною работою, то есть земледѣліемъ на своихъ грунтахъ, или по наймамъ, упражняющихся, или же *въ протекцію* себя владѣльцамъ отдавшихъ, первыхъ на градскихъ земляхъ особливыми поселеніями населять, а другихъ, подъ именемъ работниковъ, въ городахъ числить, и къ праву гражданскому ниже къ обществу не причислять, развѣ бы кто изъ нихъ пріобрѣлъ доброму гражданину необходимо на-

добныя, и частію выше предписанныя свойства и качества; *продавшихся же, или въ протекцію отшедшихъ, вовсе исключить изъ гражданства, и оставить на волю ихъ владѣльцевъ.*“ Говоря о дворянствѣ въ § 10, *наставленіе* указываетъ, впрочемъ совершенно основательно, что на основаніи Литовскаго Статута дворянство пріобрѣталось только знаменитыми заслугами, оказанными отечеству; между тѣмъ, по словамъ *наставленія*, въ Малороссіи „и самые козаки, не выключая и тѣхъ, кои изъ мужиковъ, по пріобрѣтенному женитьбою, или инымъ какимъ образомъ, грунту, въ козаки входятъ, въ семъ достоинствѣ почитаются, пользуясь въ судахъ однимъ правомъ и дворянамъ токмо свойственными преимуществами, и будучи вездѣ по судамъ именуемы, такъ какъ и сами себя называя, шляхтою. Нерѣдко-жъ, къ сожалѣнію, оказывается, что въ Малой Россіи, *по временнымъ обстоятельствамъ*, люди простонародные пе-

ремѣняютъ свои названія и присвоиваютъ часто себя по воли и желанію къ знатнымъ и благороднымъ фамиліямъ,—поступокъ нигдѣ, не токмо не позволенный, но и не простительный.“ О духовенствѣ въ § 11 *наставленіе* выразилось чрезвычайно невыгодно. Заявивъ о произволѣ существующемъ въ управленіи монастырскими имѣніями, *„не съ выгодою для подданныхъ“*, *наставленіе* говоритъ, что „чинъ монашескій, для необходимыхъ экономическихъ правленій, удалялсь отъ общежительства и правила своего, обращается прямо, по такъ называемымъ Городничествамъ, въ свѣтскихъ упражненіяхъ, паче же *по дѣламъ тяжебнымъ*, въ приказныхъ мѣстахъ стряпая въ доказательствахъ *и изобличеніяхъ*, во вся монашескому чину не свойственно, а паче предосудительно, другимъ досады причиняютъ, или иногда и сами терпятъ. О козакахъ *наставленіе* въ § 16 говоритъ, что „по указу Петра I, 1723 г. велѣно козакамъ, порабощеннымъ владѣль-

цами, бить челомъ въ малороссійской коллегіи, а чьи предки и они сами службу служили, тѣхъ вписать въ козаки, доказывая то право реестрами и компутами."

Въ 1746 г. указомъ Сената повелѣно всѣмъ владѣльцамъ, „за кѣмъ таковые козаки въ подданствѣ состоятъ, немедленно для вписанія ихъ къ отправленію службы объявлять, по которымъ указамъ токмо слѣдуется въ природѣ ихъ, а въ образѣ, каковымъ они лишились козачества, за кѣмъ настоящее ихъ, недвижимое имѣніе состоитъ, упущается. И хотя не можно утвердить, чтобъ козаковъ между мужиками и нынѣ не было, *но они сами суть виновны,* что во все текущее отъ того время, а особливо въ военное, о козачествѣ не искали, и конечно укрываясь отъ службы, къ владѣльцамъ, въ видѣ посполитыхъ, приходили. А какъ сіе *исканіе козачества* есть почти безпрерывное, и по смѣшенію козаковъ съ посполитымъ народомъ своимъ свойствомъ и грун-

тами, является безконечнымъ, а пріобрѣтеніе ихъ имѣній есть первымъ къ тому средствомъ, то въ семъ пунктѣ, общественнаго добра ради, единственно отъ нынѣ болѣе ни кого *въ козаки писать не велѣть*, и кто при нынѣшней въ Малой Россіи генеральной описи гдѣ написанъ, *тому уже тамъ быть вѣчно и о козачествѣ молчать*". Что же касается крестьянъ, то коллегія въ 18 § своего *наставленія* высказала довольно опредѣленно необходимость поставить право вольнаго *перехода* крестьянъ *съ мѣста на мѣсто* въ зависимость отъ владѣльца земли, на которой крестьяне жили. „Простой народъ, говорится въ 18 § *наставленія*, мнимымъ *въ свободѣ своевольствомъ* доведенъ до крайняго нерадѣнія отъ своей собственной лѣности и распутства, ибо многіе, оставляя свои пахатныя и другія земли, бродятъ изъ мѣста на другое, и чтобъ удобнѣе провождать жизнь праздную и распутную, остаются на всегда безъ грунтовъ.

подъ именемъ подсусѣдковъ, работая лѣниво за кормъ и напой випомъ". Въ видахъ пресѣченія *вольнаго перехода,* коллегія опредѣлила постановить: „если бы кто, безъ всякихъ законныхъ причинъ, *не взялъ и не требовалъ отпуску,* уходилъ изъ городовъ, селъ и деревень, или, забывъ присягу и должность за границу бѣжалъ или вознамѣрился, таковыхъ, яко усильно то во отягченіе народное учинить отважились, сыскивать всѣми мѣрами, и за таковое зло, *при другихъ тѣлесныхъ наказаніяхъ, лишать свободы вѣчно и въ отдаленныя мѣста на поселеніе, а иногда и на каторгу, отсылать*".

Между тѣмъ, какъ Малороссійское поспольство все больше и больше подпадало кабалѣ пановъ; между тѣмъ, какъ послѣдніе ни чѣмъ не пренебрегали для устроенія своего личнаго благополучія, открылась наконецъ для пановъ возможность достигнуть завѣтной цѣли — уравнятся въ правахъ и значеніи своемъ съ дворянствомъ великорус-

скимъ. Въ началѣ изслѣдованія мы уже говорили, что въ Малороссіи, по отпаденіи ея отъ Польши, осталось самое ничтожное число дворянъ, которые бы могли пощеголять древностью рода. При Хмельницкомъ, во время великой народной руины, польское шляхетство и вообще дворянство было истреблено; осталось самое малое число его, которое, изъ опасенія сдѣлаться жертвою народной ненависти ко всему привилегированному, дворянскому, пристало къ козакамъ и вошло въ народные ряды. Переворотъ, совершенный Хмельницкимъ, открылъ господство въ Малороссіи демократическаго элемента. Личныя заслуги могли выдвинуть простаго козака и посполитаго въ самое короткое время на степень народнаго представителя; какъ тотъ, такъ и другой, удостоенные народнымъ довѣріемъ, могъ сдѣлаться сотникомъ, старшиной, и даже гетманомъ. Мало по малу начинается пожалованіе пановъ россійскимъ дворянствомъ, и

въ тоже время начинается раздача этимъ дворянамъ огромныхъ помѣстій. Затѣмъ въ XVIII в. мы встрѣчаемъ рядъ домогательствъ и предъ сенатомъ и предъ государями о сравненіи малороссійскихъ чиновъ, съ классными великорусскими чинами. Сенатъ затруднялся уважить эти усилія пановъ на томъ основаніи, что совершенно невозможно было доказать права малороссійскихъ чиновъ на уравненіе его съ великорусскимъ дворянствомъ, и постоянно отказывалъ панамъ въ этомъ ихъ домогательствѣ.

Такъ при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ сенатъ, въ отношеніи малороссійскихъ чиновъ, высказался довольно категорически: онъ распорядился не принимать малороссіянъ въ шляхетный корпусъ, руководясь собственно тѣми соображеніями, что въ малороссіи дворянъ не существуетъ. * Въ 1768

* Чтеніе общества исторіи и древностей 1861 года, книга I.

году, Императрица Екатерина II, повелѣла малороссійскому генералъ-губернатору, Румянцеву, выбрать дѣтей изъ лучшихъ малороссійскихъ фамилій къ опредѣленію въ кадетскій корпусъ и общество благородныхъ дѣвицъ. Румянцевъ, выполняя волю Императрицы, писалъ ей, что „симъ Высочайшимъ и милосерднымъ взысканіемъ имѣющіе счастіе воспользоваться отцы охотно отдали своихъ дѣтей, которыхъ при семъ представляю о числѣ ихъ два списка. Многіе изъ нихъ о дворянствѣ своемъ не имѣютъ у себя доказательствъ, хотя предки ихъ непрерывно служили въ знатнѣйшихъ или почетныхъ здѣшнихъ чинахъ. Въ извиненіе ихъ осмѣливаюсь сказать, что въ прежнее время глубокой здѣсь простоты, когда всякаго состоянія житель искалъ имени козака, случилось и сіе, что самые генеральные старшины, оставя свои степени, становились въ войскѣ нижними начальниками, взирая на соединенные съ тѣмъ вы-

годы, которые предпочитаемы были всякой славѣ, то въ семъ общемъ смѣшаніи затмилось благородство многихъ фамилій".

Попытка малороссійскихъ пановъ уравниться въ своихъ правахъ съ великороссійскимъ дворянствомъ находило себѣ дѣятельную поддержку еще въ тѣхъ остаткахъ шляхетства, которое при Хмѣльницкомъ уцѣлѣло въ казачьихъ рядахъ и въ которомъ слишкомъ живучи были аристократическія побужденія, сформировавшіеся еще при польскомъ господствѣ. По свидѣтельству архіепископа Конисскаго, „шляхта эта мало-по-малу вошла вновь во всѣ уряды и командованія козацкія и, занимая предъ ними и предъ чиновниками, изъ нихъ произшедшими, первенство и преимущество, тщеславилась одною породою своею и эдукаціею.... Плодомъ поверхности ихъ надъ природными чиновниками и шляхтою было униженіе ихъ въ собственной своей землѣ и въ своихъ пра-

вахъ и преимуществахъ. Имъ позавидовавъ и поревновавъ, многіе изъ природныхъ малороссіянъ, а паче *изъ поповичей*, вышедшихъ въ чиновники посредствомъ инспекторій, пристали къ ихъ системѣ и, прикладивъ кой какъ фамиліи свои къ польскимъ, стали тщеславиться ихъ происхожденіемъ. А къ симъ еще премногіе возникнувъ изъ *жидовства*, принужденнаго креститься въ прежде бывшія надъ ними всеобщія побоища, и поверстанныя въ шляхту извѣстнымъ о перекрестахъ статутовымъ артикуломъ, составили наконецъ изъ смѣшенія сихъ языковъ и породъ единственный бичъ для козаковъ и всѣхъ малороссіянъ. Они, управляя ими во всѣхъ урядахъ и правительствахъ, и набогатившись около ихъ разными происками, а паче пользуясь тѣхъ простотою и подчиненностію, отняли у нихъ всѣ права ихъ шляхетскія природныя, отъ самой извѣстной древности безпрерывно при нихъ бывшія, и подъ титуломъ рыцарства

всѣми договорами и привиллегіями имъ подтвержденныя, присвоивъ ихъ однимъ своимъ породамъ.... *

Но правительство рано или поздно должно же порѣшить назойливость малороссійскихъ пановъ въ стремленіи ихъ уравниться въ правахъ и преимуществахъ съ дворянствомъ великороссійскимъ, и рѣшеніе это наконецъ состоялось въ 1782 г. за годъ до окончательнаго закрѣпощенія малороссійскихъ крестьянъ. Въ этомъ, т. е. 1782 году, изъ малороссіи образованы были три губерніи и одновременно сдѣлано было распоряженіе о разборѣ правъ малороссійскаго дворянства по примѣру великороссійскаго и объ установленіи для малороссіянъ дворянской родословной книги. Съ этою цѣлью учреждены были особыя коммиссіи. Исторія какъ этихъ коммиссій, такъ и разборки правъ малороссійскаго дворянства въ высшей степени поучительна.

* Исторія Руссовъ, Конискаго. стр. 120.

Для того, чтобы попасть въ сословіе дворянъ и быть записаннымъ въ дворянскую родословную книгу, необходимо нужно было прослужить въ извѣстныхъ козацкихъ чинахъ или же представить грамоты и привиллегіи, какъ великихъ князей литовскихъ, такъ и королей польскихъ на шляхетское достоинство ихъ предковъ, пожалованные имъ еще въ то время, когда южная Русь находилась въ соединеніи съ Литвой и подъ польскимъ господствомъ. За неимѣніемъ этихъ грамотъ по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ, дозволено было представлять удостовѣреніе двѣнадцати дворянъ въ томъ, что данное лицо въ прежнее время дѣйствительно находилось въ дворянскомъ сословіи по пожалованію отъ королей польскихъ. Изъ дѣла о козакахъ Черниговскаго и Городницкаго уѣздовъ Богушахъ, домогавшихся дворянскаго достоинства, видно, что эти удостовѣренія весьма часто подвергались сомнѣнію и, такимъ образомъ,

сенатъ не утверждалъ по такимъ даннымъ дворянства малороссійскихъ пановъ; такъ между прочимъ, случилось и съ родомъ Богушей. Сенатъ постановилъ, что „такъ какъ о происхожденіи отъ означенныхъ Богушей (Юрія и его сыновей) потомства въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ состоящихъ, никакихъ доказательствъ не представлено, а напротивъ того, рядъ Богушей съ давнихъ временъ состоитъ записаннымъ въ числѣ козаковъ, платящихъ подати, то на основаніи закона роду Богушей въ дворянствѣ отказать". *

Между тѣмъ, коммиссіи, учрежденныя для разбора дворянскихъ правъ малороссійскихъ пановъ, ознаменовали свою дѣятельность весьма важными злоупотребленіями, о чемъ свидѣтельствуютъ какъ оффиціальные, такъ и не оффиціальныя акты. Такъ между прочимъ, авторъ весьма любопытныхъ „замѣчаній о Малой Россіи"

* Записки Черниг. статистич. комитета, книга II.

*говоритъ, что „въ сіи коммисіи избираемы были съ начала депутаты такіе, которыхъ дворянское достоинство какъ природою, такъ и чинами неоспоримо было; но въ послѣдующее время стали въ сіе важное званіе вступать и такіе люди, которые въ виду всѣхъ были или купцы, или простые козаки, и разными происками получили чинъ войсковаго, или бунчуковаго товарища, или полковаго старшины, назвали себя дворянами и вступали въ такъ деликатную и важную должность, что стали дѣлать дворянскому достоинству разборъ, по которому они и сами не могли симъ знаніемъ пользоваться. Большая часть доказывающихъ свое дворянство бросились за-границу, въ бывшую Польшу, и посредствомъ жидовъ, покупили у поляковъ на оное свидѣтельство, причисляя себя къ такимъ фамиліямъ, которыхъ въ Польшѣ нѣтъ и не было; многіе жиды вывозили подрядомъ изъ

*. Замѣчанія о Малой Россіи, стр. 18.

Польши за деньги таковые свидѣтельства, и коммиссія, безъ изслѣдованія и увѣренія нашихъ министровъ, въ Варшавѣ тогда бывшихъ, ихъ принимала; многіе простые козаки и самые казенные и владѣльческіе крестьяне поступили симъ обманнымъ образомъ въ дворяне, а депутаты сдѣлали себѣ чрезъ то хорошій доходъ, такъ что многіе въ оные напрашивались. Словомъ сказать, изъ сего важнаго и святаго дѣла сдѣлалось торжище и лавка, и депутаты, набравъ изъ коммиссіи съ пробѣломъ дворянскихъ грамотъ, оными торговали. Не можно себѣ тѣхъ представить беззаконій, какія въ семъ случаѣ произошли: сапожники, кузнецы, мясники и другіе, подобные симъ мастеровые, издревле въ семъ званіи бывшіе, и подушнымъ и другимъ окладомъ изстари обложенные, теперь дворянами называются, продолжая при томъ свое ремесло. Всякъ удивится, что въ Малой Россіи нынѣ сто тысячъ дворянъ считается, кото-

рыхъ, по изгнаніи изъ нея Поляковъ, ни сотой доли не было и быть не могло".

Такіе-то дворяне готовились составить изъ себя привиллегированный классъ въ народѣ; они то стремились выдѣлиться изъ народной массы, чтобы потомъ, въ недалекомъ будущемъ, сдѣлаться владѣльцами крѣпостныхъ душъ. Съ другой стороны, раболѣпствуя предъ русскими вельможами, „знатные" малороссійскіе паны, дома у себя давно уже стали деспотически распоряжаться всѣмъ, что было ниже изъ по званію и по богатству. Когда попытки ихъ уравниться въ правахъ съ великорусскимъ дворянствомъ наконецъ увѣнчались успѣхомъ; когда учреждены были упомянутые выше коммиссіи для разбора правъ малороссійскаго дворянства, послѣднему естественно было ожидать за тѣмъ и утвержденія крѣпостнаго права въ Малороссіи. Что это величайшее зло въ нашей исторіи было по сердцу малороссійскому панству, доказываетъ то, что

старшина и другіе чины, пользуясь безурядицею дѣлъ въ Малороссіи, постоянно, во все время XVIII в., стремилась: то козаковъ обращать себѣ въ подданство, то подвести посполитыхъ подъ уровень крѣпостныхъ людей, то всѣми возможными способами распоряжаться имуществомъ и личностью тѣхъ и другихъ. Въ сознаніи малороссійскаго панства окрѣпла уже давно мысль, что введеніе съ Малороссіи крѣпостнаго права, составляетъ существенную необходимость, разумѣя пользу его только по отношенію къ себѣ и вовсе непонимая какое величайшее зло составляетъ крѣпостничество для того народа, который, въ прошедшемъ, пролилъ столько крови, и принесъ столько великихъ жертвъ, добиваясь своей свободы отъ польско-шляхетскаго ига. До сихъ поръ эти крѣпостныя стремленія высказывались по отношенію къ посполитымъ въ воспрещеніи имъ вольнаго перехода съ мѣста на мѣсто, который, по мнѣ-

нію пановъ, не согласуется будто-бы съ потребности Малороссіи, въ сущности же съ интересами однихъ пановъ. Но скоро преобразовательница Малороссіи, императрица Екатерина II, разрѣшила какъ нельзя лучше всѣ надежды малороссійскихъ пановъ и всѣ опасенія посполитыхъ.

3-го мая 1783 года состоялся роковой указъ,* лишающій гражданскихъ правъ цѣлую массу крестьянскаго малороссійскаго сословія. Въ 1 ст. 8 пункта этого указа сказано: „для повсемѣстнаго и вѣрнаго полученія казенныхъ доходовъ въ намѣстничествахъ Кіевскомъ, Черниговскомъ и Новгородскомъ, и въ отвращеніе всякихъ побѣговъ къ отягощенію помѣщиковъ и остающихся въ селеніяхъ обывателей, каждому изъ поселянъ остаться на своемъ мѣстѣ и званіи, гдѣ онъ по нынѣшней послѣдней ревизіи написанъ, кромѣ отлучившихся до состоянія сего нашего указа; въ случаѣ же

* П. С. З., № 15724.

побѣговъ послѣ поданія сего нашего указа, поступать по общимъ государственнымъ установленіямъ. „Этимъ же указомъ признано сдѣлать равныя распоряженія относительно уѣздовъ, изъ которыхъ состояла бывшая Слободская губернія, и которые потомъ вошли въ составъ Харьковской, отчасти Курской и Воронежской губерніи; такъ въ § 8 указа сказано:“ изображенное выше въ ст. 1, § 8-го, въ предосторожность извѣстнаго и вѣрнаго полученія доходовъ казенныхъ предписаніе о не пріемѣ бѣглыхъ Малороссійскихъ поселянъ и о взысканіи за то по общимъ государственнымъ законамъ, долженствуетъ распространятся во всей силѣ и на упоминаемыхъ съ сей II ст. обывателей (Харьковской, Курской и Воронежской губерній)“. § 9 й указа рѣшилъ участь и Малороссіянъ, поселившихся на великорусскихъ земляхъ; въ указѣ говорится: „но что касается до Малороссіянъ и Черкасъ, поселившихся на вели-

короссійскихъ земляхъ, казенныхъ и помѣщичьихъ, оные въ окладахъ долженствуютъ записаны быть съ прочими великороссійскими казеннаго вѣдомства и помѣщичьими крестьянами, и въ случаѣ побѣговъ ихъ съ изданія сего нашего указа, поступать также по общимъ государственнымъ установленіямъ."

Такимъ образомъ, свободное малороссійское крестьянство этимъ указомъ совершенно теряло свои права и дѣлалось полнымъ достояніемъ пановъ, этихъ темныхъ людей XVIII в. Утвержденіе крѣпостнаго права въ Малороссіи совершилось не вдругъ, матеріалъ для него готовился впродолженіи почти всего вѣка, de facto оно существовало давно и только ожидало признанія его закономъ, что и осуществилось въ указѣ 1783 г. Съ этихъ поръ, во все время царствованія Екатерины II, мы не встрѣчаемъ ни одного указа или прави-

тельственнаго распоряженія относительно облегченія тяжкой участи посполитыхъ. Закрѣпощенное поспольство сдѣлалось для пановъ оборотнымъ капиталомъ и въ отношеніяхъ къ нему пановъ всецѣло осуществилось извѣстное поученіе Посошкова: „крестьянину де не давай обрости, но стриги его якъ овцу до гола.„ * И дѣйствительно, отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ скоро послѣ указа 1783 г. получили характеръ величайшаго и безпримѣрнаго произвола. Началась продажа крестьянъ съ землею и безъ земли, семьями или же отдѣльно; купчая крѣпость шла особо на всю семью и отдѣльно на каждаго члена семейства; отрывалъ помѣщикъ отъ семьи дѣвочку или мальчика и продавалъ ихъ по своему усмотрѣнію. Ммногочисленныя преданія говорятъ о томъ, какъ крестьяне проигрывались въ карты, мѣнялись на собакъ, охотничьи ружья, и тому по-

* Посошковъ, стр. 183.

добныя принадлежности дворянскаго быта. По одному преданію, слышанному лично нами не разъ и отчасти подтвержденному г. Бѣляевымъ въ его изслѣдованіи: „Крестьяне на Руси“, ужасы узаконеннаго Екатериною крѣпостнаго права въ Малороссіи дошли въ весьма скорое время до того, что крестьянъ выводили паны и ихъ прикащики на ярмарки для продажи вмѣстѣ съ баранами, рогатымъ скотомъ и лошадьми. И стоны бичуемыхъ панами крестьянъ и разгулъ крѣпостничества не доходилъ уже до сдѣлавшей свое дѣло правительственной власти Екатериненской эпохи и не могли уже получить ни откуда облегченія. Только при императорѣ Павлѣ I начинается мало по малу реакція въ пользу закрѣпощеннаго крестьянства; такъ указомъ 16 октября 1798 г. запрещено въ Малороссіи продавать крестьянъ безъ земли. Позднѣйшіе правительственные указы болѣе или менѣе направлены были

къ ограниченію помѣщичьяго произвола и, отчасти, къ улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ, пока, наконецъ, стремленія эти не завѣнчались великимъ актомъ 19 февраля 1861 г., даровавшимъ свободу всему крѣпостному сословію.